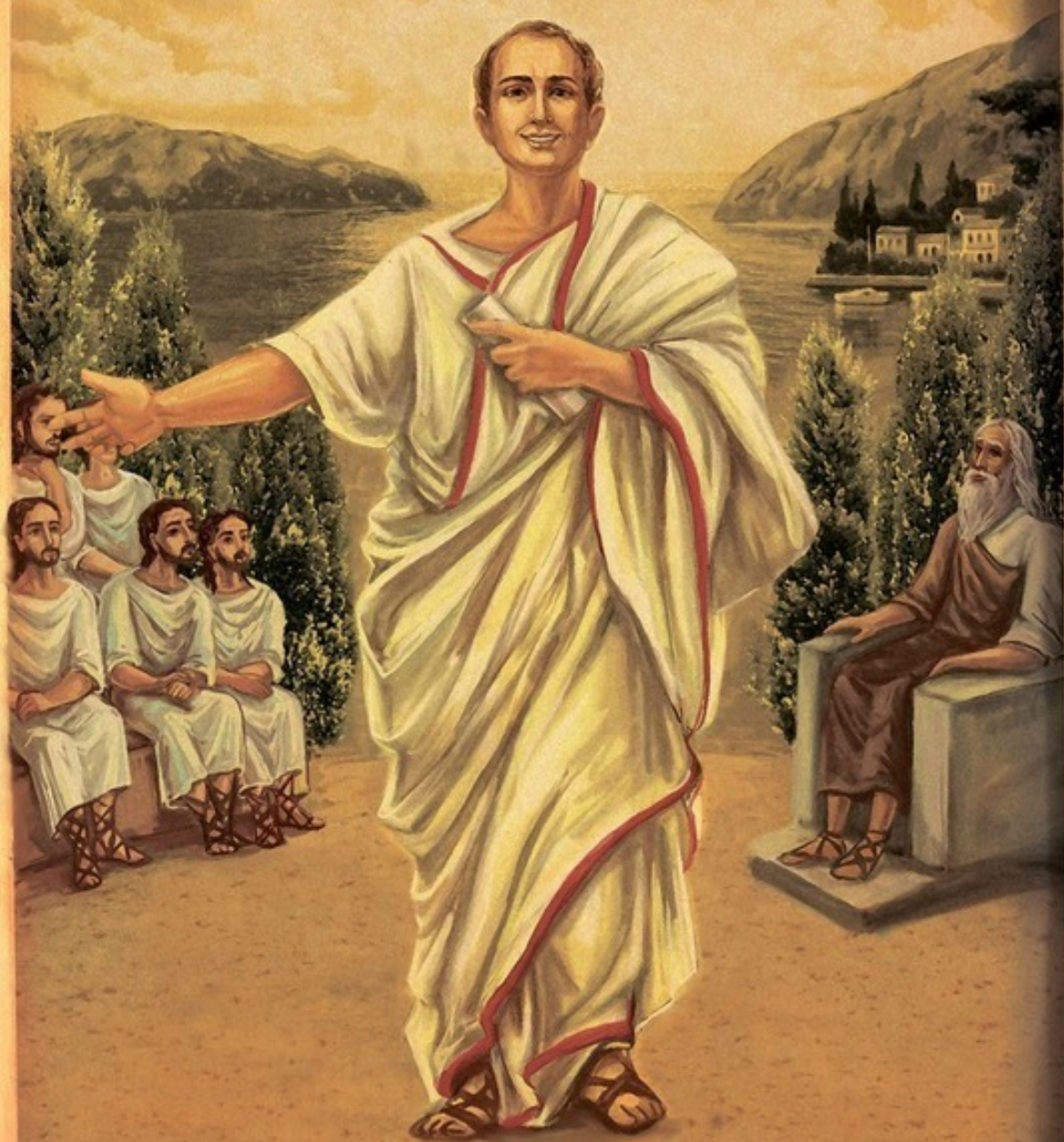

Василий Князев

Цицерон —

мастер публичных выступлений,
или Роман об истинном римлянине

Василий Князев

**Цицерон – мастер публичных
выступлений, или Роман
об истинном римлянине**

«Издательские решения»

Князев В. В.

Цицерон – мастер публичных выступлений, или Роман об истинном римлянине / В. В. Князев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932036-0

Здравствуйте, «Поэтами рождаются, ораторами становятся», так красиво в свое время сказал величайший оратор Марк Туллий Цицерон. Вся книга целиком посвящена этой выдающейся личности. В ней описана его увлекательная жизнь от рождения и до самой смерти. Кто вы? Публичный человек? Общественный деятель? Собственник бизнеса? Руководитель? Если да, то эта книга может стать вашим лучшим другом и путеводителем в увлекательной сфере деятельности, связанной с публичным выступлением.

ISBN 978-5-44-932036-0

© Князев В. В.

© Издательские решения

Содержание

Благодарности	7
Введение	10
Часть I. Арпинум	12
Глава I. Благословение Юпитера	13
Глава II. Как заслужить первые аплодисменты?	17
Глава III. Почему Люцина не спасла? Ужасная утрата...	21
Глава IV. Начальная школа	25
Глава V. Первые успехи и первая кровь...	28
Глава VI. О, как прекрасна первая влюбленность!	32
Глава VII. Луций Лициний Красс – лучший оратор Рима?	34
Глава VIII. Невыносимая боль и жертва Цицерона	40
Часть II. Рим	43
Глава I. Приветствую тебя, Вечный город!	44
Глава II. Римские ристания. Знак судьбы...	48
Глава III. В чем секрет Квинта Росция?	58
Глава IV. Почему римляне так любили Термы?	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Цицерон – мастер публичных выступлений, или Роман об истинном римляnine

Василий Владимирович Князев

Книга иллюстрирована цветными рисунками, наглядно отражающими историческую эпоху того времени...

© Василий Владимирович Князев, 2018

ISBN 978-5-4493-2036-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуй, дорогой читатель.

«Поэтами рождаются, ораторами становятся», так красиво в свое время сказал величайший оратор Марк Туллий Цицерон.

Вся книга посвящена этой выдающейся личности. В ней описана его увлекательная жизнь от рождения и до самой смерти...

...Кто вы? Публичный человек? Общественный деятель? Собственник бизнеса? Руководитель? Если да, то эта книга может стать вашим лучшим другом и путеводителем в увлекательной сфере деятельности, связанной с публичным выступлением.

...Вы должны подготовить доклад для конференции, но не знаете с чего начать и как заинтересовать слушателей. Вам необходимо убедить «электорат» голосовать за вас, но у вас нет необходимых знаний и инструментов.

Вам нужно провести месячное совещание, чтобы подвести итог, обозначить новые цели и задачи, а вашу голову терзают мысли о том, как сделать это мероприятие еще и увлекательным и запоминающимся для сотрудников.

Перед началом презентации или выступления у вас «трясутся» коленки, и вы не представляете, что с этим делать...

В конце вашего доклада вас «засыпали» каверзными вопросами, а вы не знаете, как правильно, на них ответить и в результате вся ваша речь оказалась напрасной.

Скажите честно, у вас так бывает?

Ответы на все ваши вопросы вы найдете в этой книге...

...А может вы просто любитель истории, романтики и приключений? О... обещаю, скучно вам точно не будет. В книге, написанной мной в стиле бизнес-романа, вас ждет целое море различных событий и интриг. Вы словно в машине времени перенесетесь на 2000 лет назад в эпоху Гая Юлия Цезаря, диктатора Суллы, Великого Гнея Помпея, где немыслимые страсти, чувства и желания жарким огнем горели и полыхали, словно в огромном костре. Костре – под названием жизнь...

Меня зовут Василий Князев, заочно рад нашему знакомству.

Приятного вам чтения...

«Не знаю ничего прекраснее, чем умение силою слова приковывать к себе толпу слушателей, привлекать их расположение, направлять их волю куда хочешь, и отвращать ее, откуда хочешь».

Марк Туллий Цицерон.

Благодарности

Я благодарен своему школьному учителю Анатолию Михайловичу, который на всю жизнь привил мне любовь к истории.

Я благодарен моей любимой жене Лане за поддержку и понимание.

Я благодарен Вам, дорогой читатель, – за то, что Вы приобрели эту книгу...

*В основу книги положены
реальные события, которые подтверждены:
историческими фактами, античными
авторами и личными письмами главного
героя книги. Все персонажи, описанные
в книге действительно существовали и были
современниками*

Марка Туллия Цицерона...

Памяти Цицерона...

*В один январский день...
Всего каких-то пару тысяч лет назад
Камена, покровительница муз, искусства и науки
Благословляла маленького мальшиа,
Едва рожденного на благо Рима:
– Марк Туллий Цицерон, удача ждет тебя во всем-
В поэзии, ораторском искусстве и науке
Иди вперед и ничего не бойся-
Я буду этот путь с тобой
В своей волшебной колеснице
И можешь, смело на меня ты положится
Одна лишь просьба для тебя О... Цицерон!
Люби людей и преданно служи
И жизнью каждого из них ты дорожи.
Защитником ты должен стать
Всех бедных и бессильных
И память о тебе пойдет в века.
История – служанка скажет: «Да!».
И восхитятся лучшие мужи,
Беря пример для подражания
Во все эпохи мирозданья!*

Василий Князев

Борт самолета Чешских Авиалиний

01.07.2013

«Существует только одна вещь, худшая,

чем не прикасаться к чтению книг последние 90 дней; это не прикасаться к чтению книг последние 90 дней и думать, что ничего не случилось».

Джим Рон.

Доброе утро, день, вечер, ночь, уважаемый читатель или читательница.

У вас есть два варианта как прочитать эту книгу.

Первый. Этот метод подойдет тем, кто приобрел ее в целях усовершенствования навыков публичного выступления и презентации. Специально для ВАС ниже названия и страницы глав, где Вы можете почерпнуть необходимые знания и услышать, как это делал в свое время Цицерон всего каких-то 2000 лет назад. Это удивительно, но эти инструменты с успехом работают и сейчас.

Часть I. Арпинум

Глава II. Как заслужить первые аплодисменты?

Глава VII. Луций Лициний Красс – лучший оратор Рима?

Часть II. Рим

Глава IX. Подготовка

Глава X. Поединок

Часть IV. Кровавое время...

Глава III «В защиту Квинкция»

Глава VI «В защиту Секста Росция из Америи»

Часть V. Греция

Глава IV. Почему Антиох из Аскалона так понравился Цицерону? (Зачем я включил и эту главу?)

Глава VII. Где становятся великими ораторами? Может, на волшебном острове Родос?

Часть VI. Борьба за консульство

Глава I. Точный выстрел Теренции

Глава IV. Почему Сицилийцы полюбили квестора Цицерона и оказали ему такие почести?

Глава V. Найдется ли управа на этого бессовестного жирного борова?

Глава VIII. Дело Вереса. Иногда молчание – самый ценный инструмент публичного выступления...

Глава XI. Речь в поддержку предоставления империя Гнею Помпею – и немного о личном...

Глава XIII. Кто победит в бешеной гонке за консульское кресло? —

Часть VII. Изгнание...

Глава II. «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?»

Часть VIII. От возвращения до Киликии...

Глава II. Триумфальное возвращение из изгнания. «О... бессмертные боги! Как сладок дым Отечества!!!»

Часть IX. На закате жизни...

Глава V. Гай Юлий Цезарь! Будь милосерден! В защиту Квинта Лигария.

Второй вариант. Он больше подходит тем, кто любит все делать методично и неспеша. Для кого важно не только приобрести полезные инструменты и знания в публичном выступлении, но и кто желает получить от книги как можно больше. ***Зарядиться ее энергией.*** Этот вариант Ваш, если вы любите историю и у вас есть стремление полностью погрузиться в эпоху Поздней Римской Республики времен Цицерона, Гая Мария, Суллы «Счастливого», Великого Гнея Помпея, Гая Юлия Цезаря, Марка Антония. Вы хотите почувствовать

«дух того времени»? И с головой окунуться в эти полные счастливых и трагичных событий времена. От рождения и свадеб, до изгнаний и Финала.... Если да, то мой Вам совет: читайте неспеша. Не «проглатывайте» книгу за один вечер.

Эта книга – как хорошее изысканное вино для гурманов. Ее надо «пить» медленно, смакуя каждый глоток, наслаждаясь каждой каплей...

Выбор за Вами, дорогой читатель. Приятного вам чтения...

Василий Князев.

Введение

*Дом, в котором нет книги,
подобен телу, лишенному души.
Марк Туллий Цицерон.*

Друзья, приветствую Вас! Меня как историка по образованию всегда интересовал увлекательный период Римской Республики в далеком первом веке до нашей эры. Это был век жесткой и бескомпромиссной борьбы за власть и влияние между «всадниками» и патрициями, сенаторами и трибунами. О, боги!!! А какие страсти кипели, словно в огромном котле, в то время!!! Сколько людских драм было разыграно на сцене под названием жизнь! Сколько крови было пролито! Сколько «триумфов» было одержано! Сколько выдающихся трудов философов, ораторов и историков создано! А какие личности украсили собой эту страницу истории!!! Диктаторы и полководцы: Корнелий Сулла, Гай Марий, Гней Помпей Великий, Марк Красс, Гай Юлий Цезарь. И, конечно, будущий император Октавиан, положивший конец периоду Поздней Римской республики.

Задумывая эту книгу, я постарался совместить и бизнес, и роман, и историю. Вам ведь было бы скучно читать только о бизнес инструментах, связанных с презентацией и публичным выступлением? А представьте: если все эти нужные любому бизнесмену и руководителю навыки будут окутаны историческими событиями, тайнами, человеческими страстями и интригами!

Как вы думаете, кто будет главный герой? Ярчайший публичный оратор и политик тех времен Марк Туллий Цицерон. Родившийся в маленьком провинциальном городке Арпине, в семье «Всадников» – второго по значимости сословия в Риме. Не имея ни связей, ни огромного богатства, только благодаря своему уму, трудоспособности и целеустремленности он сумел достичь вершины политического успеха – стать консулом Рима.

Более того, Цицерон является автором философских и ораторских трудов, которые входят в золотой фонд мировой культуры, прекрасным поэтом и, на мой взгляд, очень хорошим и достойным человеком.

Большинство событий, описываемых в книге, подтверждены историческими фактами, свидетельствами античных авторов и личными письмами главного героя книги. В то же время историческая, правда, переплетена здесь с эмоциональными узорами художественного вымысла. Мне показалось интересным рассказать о Цицероне как о простом человеке со всеми его достоинствами, страстями и недостатками.

Данная книга будет полезна собственникам бизнеса, руководителям всех рангов, всем тем, кто по роду своей деятельности выступает на конференциях, совещаниях, и в принципе любому, кто стремится к личному развитию и совершенствованию. Если стремление к новым знаниям и навыкам является жизненной необходимостью для Вас, тогда Вы нашли **свою книгу**.

Только представьте себе! Вы о чем-то рассказываете, а люди плачут или смеются – и все это сотворили ВЫ! Вы заканчиваете свое выступление, а зал рукоплещет Вам и кричит «Браво»!

Вы презентуете новый проект, участвуя в тендере. Идет борьба за клиента. Трое ваших ближайших конкурентов претендуют на тот же контракт. И – о, чудо! Выбирают именно Ваш проект!!! Почему? Только лишь потому, что ВАША презентация была самой яркой, убедительной и эмоциональной!

Эта книга – золотой волшебный ключик к Вашему успеху.

Да осилит дорогу идущий...

Василий Князев.

Часть I. Арпинум

Глава I. Благословение Юпитера

*Не знать, что случилось до твоего рождения, —
значит всегда оставаться ребенком.
В самом деле, что такое жизнь человека,
если память о древних событиях
не связывает ее с жизнью наших предков?*

Марк Туллий Цицерон.

В январе 106 г. до нашей эры на третий день после Новогодних календ¹ в усадьбе своего деда на речке Фибрен неподалёку от маленького провинциального городка Арпинум, что в 100 км от Рима, в семье «всадников» родился мальчик. Несколько дней перед этим было холодно, зимний ветер жутко завывал, как дикие варварские племена в разгар атаки на Италию. Но третьего января выглянуло яркое солнце и осветило землю своим лучезарным светом, как будто сам Юпитер² величаво покати́л на золотой колеснице по голубому небосводу. Что это? Может, знак судьбы? Знак свыше от богов с Олимпа³?

Перед рождением малыша кормилице явился призрак в белом и, улыбаясь, молвил: «Ты выкормишь великое благо для Рима». Та не преминула рассказать об этом будущей матери. Гельвия родила мальчика легко и без страданий. Это был первенец, наследник. Отец был несказанно счастлив. Обнимая жену, он воскликнул: «Клянусь камнем Юпитера, мы дадим сыну достойное образование, и он прославит наш род!». Усталая Гельвия смотрела то на мужа, то на младенца и счастливо улыбалась.

Так появился на свет Марк Туллий Цицерон⁴.

Что же это было за время?

К концу II века до нашей эры государственный строй Рима начал трещать по швам.

Структура управления государством с ежегодной сменой выборных магистратов из числа наследственной родовой знати (нобилитета) была эффективна только для небольшой сельской общины, члены которой основное время занимались сельским хозяйством и лишь во время войны или нападения варваров брались за оружие.

Но, увы, такая структура управления оказалась отсталой и неповоротливой для великой державы, которая активно захватывала новые земли, вела мировую торговлю и имела заморские провинции, населенные иноземцами. Требовалось более оперативное и эффективное управление.

Рубеж II века до нашей эры и последующие десятилетия следующего века за ним ознаменовали борьбу за власть и богатство между аристократической родовой знатью – «нобилитетом» (патрициями) и сословием «всадников».

Нобилитет – родовая знать, правившая Римской империей на наследственных началах еще с начала III века до нашей эры. Только представителями нобилитета замещались высшие должности в республике, ими же пополнялся сенат. Основу могущества нобилитета составляли богатства нобилей, источником которых были крупная земельная собственность и грабежи провинций. Но как только нобиль становился сенатором, он утрачивал право вести торговлю от своего имени и был вынужден прибегать к посредничеству либо «всадников», либо своих вольноотпущенников или даже рабов.

Такая торговля и управление очень часто были неэффективны. Люди в большинстве своем по своей природе слабы и с легкостью готовы прибрать к рукам чужое богатство. К сожалению, очень часто сенаторы становились жертвами своей доверчивости. С одной стороны, они имели огромную фактическую власть, а с другой – их имущественное положение постоянно ухудшалось. Ведь сенатор обязан был вести «достойную» жизнь – содержать огромное коли-

чество рабов и слуг, не реже двух раз в неделю давать званые обеды, расходы на которые часто составляли астрономическую сумму. Выезд сенатора на «пикник» тоже требовал приличных денежных вливаний.

Вот как описывает один из современников выезд сенатора на природу. По дороге в Рим ему попался кортеж из шести повозок. В одной ехал сам сенатор, в остальных пяти – его рабы и прислуга. В отдельной маленькой повозке находилась малютка обезьяна для развлечения гостей. Надо ли говорить, сколько провизии было в этих повозках? Содержание всего этого хозяйства требовало колоссальных денег. А многочисленные прихоти жен, любовниц, пассив... Это была очень серьезная статья расходов. Мужчины меня поймут.

Конечно, некоторые сенаторы, становясь наместниками, нещадно грабили провинции, стремясь восстановить свое богатство; эти грабежи, естественно, вызывали недовольство местного населения. А иногда за это можно было поплатиться изгнанием. Одним словом, нелегка была жизнь нобили или патриция...

А теперь познакомимся с сословием «всадников». Для нашего с Вами дальнейшего понимания судьбы Цицерона это очень важно: ведь он родился в семье небогатого провинциального «всадника».

Всадники, иногда — **эквиты** (лат. *equites*, от лат. *equus*, «конь») – одно из привилегированных сословий в Древнем Риме.

Первоначально – в царскую эпоху и в раннереспубликанский период – это была сражавшаяся верхом патрицианская знать.

По реформе Сервия Туллия (VI век до н. э.) всадники, выделенные в 18 центурий, составляли часть высшего цензового разряда римских граждан.

Впоследствии, в связи с образованием в Риме нобилитета (III век до н. э.), **всадники превратились во второе после сенаторов сословие**. С развитием торговли и ростовщичества в разряд всадников стали вступать (по цензу) владельцы крупных мастерских, ростовщики.

К концу 20-х гг. II века до нашей эры всадники превратились в особое сословие римского общества – денежную аристократию, материальной базой которой было владение крупными денежными средствами и движимым имуществом. Обычными занятиями всадников были торговля и откуп налогов с провинций. Они образовали верхний слой общества в муниципиях, имели крупные поместья, занимали административные должности, были юристами и т. п.

Хотя политическое влияние всадников было менее значительным, чем сенаторов, в их руках сосредотачивались огромные капиталы.

Особое значение всадники приобрели в период гражданских войн поздней Республики как судьи. (Википедия).

«Всадникам» редко удавалось достичь высших должностей в государстве. Им этого просто очень часто не позволяли сделать, «вставляя палки в колеса». Зато «всадники» нашли для себя отличное доходное занятие – откуп на сбор налогов в провинциях и торговля с ними. Их состояние неуклонно росло, а ведь богатство – тоже прекрасная возможность прийти к управлению государством. Если же «всадник» пробивался во власть, ему не было необходимости грабить провинции: он и без того был богат.

Ярчайший пример доверия таким наместникам со стороны местного населения – великий полководец Гай Марий⁴, не родовитый и необразованный (кстати, бывший земляком Цицерона), который семь раз был избран в консулы (107, 104—100, 86 гг.).

Исходя из вышесказанного, авторитет сенаторов к концу II в. был сильно поколеблен, а затяжная Югуртинская война⁵ (111—105 гг.) нанесла ему еще один тяжелый удар вследствие

преступной медлительности консула 109 г. Квинта Цецилия Метелла Нумидийского⁶ и продажности первоприсутствующего в сенате Марка Эмилия Скавра⁷.

Был и другой институт власти и управления – народные собрания (комиции). Они отстаивали интересы народа и боролись за его права через посредничество своих представителей – народных трибунов. Но очень часто трибуны были лишь марионетками в руках либо патрициев, либо «всадников».

Существовала еще четвертая сила, стремящаяся к неограниченной имперской власти, в лице успешных военачальников, таких как Гай Марий, Сулла Счастливый, Великий Гней Помпей⁸, Гай Юлий Цезарь⁹, Октавиан¹⁰.

Поэтому следующее столетие просто обязано было ознаменоваться жестокой и кровавой борьбой за власть. Увы, Республике оставалось существовать чуть более 70 лет после рождения Цицерона. И если хотите, все последующие политические события были закономерны и неизбежны...

Такова была та сложная и напряженная ситуация, полная неразрешимых противоречий, когда на свет появился Марк Туллий Цицерон...

Примечания.

¹ 1-й день каждого месяца – календы – первоначально первый день новолуния, о котором возвещает верховный жрец.

² Юпитер – в древнеримской мифологии бог неба, дневного света, грозы, отец богов, верховное божество римлян. Супруг богини Юноны. Соответствует греческому Зевсу^[1]. Бог Юпитер почитался на возвышенностях, вершинах гор в виде камня. Ему посвящены дни полнолуния – иды.

³ Олимпийские боги (олимпийцы) в древнегреческой мифологии – боги третьего поколения (после изначальных богов и титанов – богов первого и второго поколений), высшие существа, обитавшие на горе Олимп.

⁴ Марк Туллий Цицерон – в «Республиканское» время Рима у детей было три имени. Марком Цицерона назвали в честь отца. Туллий – это род, к которому он принадлежал. Цицерон – прозвище, которое по некоторым источникам переводится как «горошина», по другим – «бородавка».

⁵ Гай Марий. Родился ок. 157 до н. э. в Арпино, умер в 86 до н. э. в Риме) — римский полководец и политический деятель. Семь раз был избран в консулы, в том числе пять раз подряд в 104—100 до н. э. Провёл реорганизацию римской армии.

⁶ Югуртинская война – вооружённый конфликт между Древним Римом и нумидийским царём Югуртой, продолжавшийся с 112 по 105 гг. до н. э. Успех применявшейся Югуртой тактики подкупа и коррупции вскрыл разложение нравов среди верхушки римского общества.

⁷ Квинт Цецилий Метелл Нумидийский (лат. Quintus Caecilius Metellus Numidicus, около 160 до н. э. — 91 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Вместе с Гаем Марием – победитель нумидийцев в битве при Мутуле. Консул с 109 до н. э., цензор с 102 до н. э. Основным источником по деятельности Метелла Нумидийского является «Югуртинская война» Саллюстия.^[1]

⁸ Марк Эмилий Скавр (лат. Marcus Aemilius Scaurus) – римский государственный деятель. В 115 до н. э., будучи консулом, удачно воевал в Галлии и с того времени до смерти своей, в 89 до н. э., был *Princeps senatus* и главою сенатской партии. В 112 до н. э., отпавленный

послом к Югурте, не устоял против подкупа, но действовал так ловко, что ему же было поручено следствие по этому предмету.

⁸Гней Помпей Великий (29 сентября 106 до н. э. — 29 сентября 48 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец.

⁹Гай Юлий Цезарь — 12 июля 100 или 102 до н. э.^[1] — 15 марта 44 до н. э.) — древнеримский государственный и политический, деятель, диктатор, полководец, писатель.

¹⁰Октавиан — Гай Юлий Цезарь Август (23 сентября 63 года до н. э., Рим — 19 августа 14 года н.э., Нола) – первый Римский Император, римский политический деятель, основатель принципата (с 16 января 27 года до н. э.), Великий понтифик с 12 года до н. э., Отец отечества со 2 года до н. э. Внучатый племянник Цезаря, усыновлённый им по завещанию.

Также многократный консул 43 год до н. э., 33 до н. э., 31 до н. э. — 23 до н. э., 5 до н. э., 2 до н. э.

Глава II. Как заслужить первые аплодисменты?

*Поэтами рождаются, ораторами становятся.
Марк Туллий Цицерон.*

Городок Арпинум, словно молодой фавн,¹ лениво раскинулся у самого подножия Апеннинских гор. Да... Боги не пожалели своей милости для этого края. Богиня полей и плодородия Церера сделала здешнюю почву настолько благодатной, что казалось, земля плодоносит сама. Великолепные плантации благоухающих персиков, яблок, сочного винограда и благородных оливок разноцветным узором обвили это райское место. А какое получалось вино из этих спелых, напитанных живительными лучами солнца виноградных лоз! Как будто сам бог вина Бахус благословил его.

Реки были полны рыбы, в лесах было много дичи. Климат здешних мест наводил на мысль о том, что если бы римские боги решили спуститься на землю, то сделали бы это именно здесь. Зима не холодная, а лето в меру жаркое. Урожай можно снимать два раза в году. Поэтому и полноправные граждане Римской империи² – жители этого городка – были счастливые, добродетельные и в какой-то мере даже ленивые люди.

Семья «всадника» Марка Цицерона была уважаема жителями этого городка. Их доход для сельской местности в те времена был довольно приличным: несколько плантаций фруктов и овощей позволяли им достойно жить, содержать небольшое поместье и несколько десятков рабов. Отец Марка интересовался литературой и сам пытался писать. Мать Гельвия – была женщиной весьма благородной и образованной к тому же из достойного рода.

В поместье Цицеронов большинство рабов были родом из Греции. Поэтому и не удивительно, что один из них, Диодот, стал первым дошкольным учителем маленького Цицерона. Случилось это так.

Однажды утром пятилетний Марк подошел к взрослым (это были рабы) и стал с любопытством прислушиваться к их речи. Он не понимал ни одного слова. На латинском языке Марк уже свободно говорил и знал много трудных слов, что приводило в восторг его родных. Малышу это давалось легко, словно при рождении его поцеловала сама Камена – покровительница наук, искусства и поэзии. Любознательность была второй натурой маленького Цицерона. Он приблизился к самому красноречивому из рабов и дернул его за подол хламиды³. Это был грек Диодот, философ и стоик. Увы, и его когда-то захватили в рабство. Кстати, в описываемое время было модно держать «домашнего» философа. Раб поклонился малышу и спросил на латыни:

– Что желает маленький господин?
– Хочу научиться говорить на твоём языке. Что это за язык?
– Греческий. Если твой отец освободит меня от работ в поле, я с удовольствием займусь с тобой изучением этого языка, – сказал раб.

Марк с серьезным видом кивнул ему и побежал искать отца.

Отец сидел в саду, где сладко пели соловьи, а в воздухе витал сочный запах персиков и оливок, и пытался писать очередной литературный опус. Увидев сына, он взял его на руки и усадил к себе на колени.

– Пап, – произнес маленький Цицерон. – Я хочу до школы выучить греческий язык, чтобы стать лучшим учеником.

Отец удивленно поднял брови и произнес:

– Марк, ты меня постоянно удивляешь. Ведь это твое детство, ты мог бы просто бегать и играть со своим братом Квинтом, а ты уже думаешь о будущем. Такие мысли не всегда приходят в голову даже взрослым, не то, что ребенку.

– Папа, – серьезно сказал малыш, надув щеки, – помнишь, ты мне рассказывал, как при моем рождении ты поклялся маме, что я прослаблю наш род?

– Конечно, помню, – ответил отец. – Так что ты от меня-то хочешь?

И юный Цицерон, уже в то время бывший искусным дипломатом (видимо, это у него было в крови), ласково посмотрел в глаза отцу, прижался к нему и попросил:

– Пусть раб Диодот будет моим учителем, а ты освободишь его время для занятий со мной, – произнес будущий вундеркинд.

– И всего-то? – улыбнулся отец. – Решено: с завтрашнего дня ты начинаешь учить греческий. Чтобы к семи годам, когда ты пойдешь в школу, греческий был освоен! – притворно строго сказал он.

– Да! Да! Да! Обещаю!

И Марк в восторге побежал сообщать радостную новость Диодоту.

Он застал его собирающимся идти работать в поле.

– Диодот! Все, теперь ты принадлежишь мне! Я твой господин – и теперь ты меня будешь учить своему родному языку, – крикнул маленький Марк.

Диодот расцвел и заулыбался. Работа в поле была очень трудной: и в палящий зной, и в ненастье – удобрять землю, пропалывать сорняки, собирать урожай. А теперь вместо этого он становится учителем, и его жизнь станет гораздо легче.

– Спасибо тебе, – произнес растроганный раб. – Я научу тебя всему, что знаю сам.

– Завтра в восемь утра я жду у себя в комнате, – сурово приказал малыш.

– Слушаюсь и повинуюсь, – произнес счастливый Диодот.

И юный гений начал прилежно изучать греческий с утра до вечера по трудам и произведениям великих греков: философов, историков: Гомера, Аристотеля, Платона, Геродота.

Его прилежание, феноменальная память и работоспособность (это в пятилетнем возрасте!) приводила в восторг всех домочадцев и, конечно, самого учителя Диодота.

Мальчик не просто учил буквы, звуки, он пытался досконально понять, почему все именно так, а не по-другому, и постоянно требовал разъяснений от учителя. А тот охотно ему все объяснял, радуясь дотошности маленького ученика.

Так прошел год.

В декабре следующего года за десять дней до январских календ маленький Цицерон решил удивить своих родителей и всех домочадцев, блеснув знанием греческого. Для этого он подговорил Диодота пригласить в их поместье известного грека—вольноотпущенника, который содержал начальную школу для детей, чтобы во время обеда на виду у всех родных и близких пообщаться с ним на греческом.

Это было первое выступление в жизни Цицерона. Естественно, он робел. «А что, если я опозорюсь, и грек скажет, что я плохо знаю греческий? Или он просто не поймет меня?» – думал малыш.

Да.... Страх публичного выступления терзает каждого взрослого человека, и поэтому было не удивительно, что маленький оратор начал сильно волноваться и переживать. «Надо взять себя в руки. Я смогу, – твердил себе будущий блестящий оратор. – Ну, а если я не удивлю грека, то чем мне это грозит?» – размышлял он.

Разве родители меня разлюбят? НЕТ!

Меня выгонят из дома? НЕТ!

Меня засмеет младший брат Квинт? Да он вообще не знает греческого языка!

Меня закидают оливками? Не думаю, ведь родители меня любят.

Итак, я готов и знаю греческий хорошо – так сказал мой учитель Диодот, тем более я все как следует, повторил. Бояться нечего!».

Настало время обеда.

Нужно отметить, что обед у римлян в то время наступал ближе к вечеру. Еду подавали в триклинию, где находился стол с примыкавшими к нему с трех сторон ложами, так как кушать богатые римляне предпочитали полулежа. Если приходили гости, то вносились добавочные ложа.

Обеденный стол был небольших размеров и не вмещал всех блюд. Поэтому еду вносили в зал и сразу раскладывали по тарелкам или подносили каждому отдельно. Иногда в помещении для еды стоял вспомогательный столик – сервант. Подобным же образом и вино сначала разливали по большим сосудам (стеклянным или хрустальным), из которых черпаком наливали в бокалы.

Как правило, обед состоял из трех перемен. Вначале подавали яйца и другие закуски. Отсюда происходит итальянская поговорка «от яйца до яблок», соответствующая нашей «от А до Я» – от начала до конца, потому что яблоками обед завершался.

На первом месте по вкусовым предпочтениям у римлян шли мясо коз и свинина. Гораздо реже ели говядину. Из напитков особенно любили мульт – смешанное с медом вино. В главную перемену входили разнообразные мясные и рыбные блюда с овощами и пряностями.

Поскольку ели руками, то пользовались салфетками, а иногда вытирали жирные руки о волосы рабов (в доме отца Цицерона, слава богам, это было не принято). Помимо основной своей функции, салфетки использовались гостями рангом ниже для заворачивания оставшейся после пиршества еды, чтобы унести ее с собой.

Итак, сегодня на обед Цицеронам боги послали:

Вкуснейший салат из свежих яиц и черных оливок.

Мясо молодого козленка, сервированное различными видами сыра, салатов и пряностей. А также деликатес – мясо хищной рыбы мурены.

Десерт состоял из свежих или сушеных фруктов (фиги, финики), орехов и острых деликатесов, возбуждавших жажду.

И, конечно, прекрасное и изысканное, с бархатистым вкусом спелой смородины и вишни вино с Сицилии.

Отца предупредили, что придет по какому-то делу грек – вольноотпущенник, содержатель детской школы, и он хотел порадовать гостя вкусной трапезой.

Рабы начали подавать блюда. И вдруг шестилетний Марк на чистом греческом языке заговорил с вольноотпущенником. Отец, мать, все домашние замерли, перестали есть и в удивлении уставились на мальчика. Так продолжалось минут пять.

Через пять минут вольноотпущенник встал, подошел к маленькому Цицерону, поклонился и обратился к присутствующим:

– Я потрясен. Ваш мальчик не просто знает греческий, он знаком с трудами Геродота, Гомера, Аристотеля, Платона. Мы даже обсудили с ним некоторые спорные моменты. Я много видел детей, но такого одаренного вижу впервые. Мальчик, тебя ждет великое будущее, и я буду рад обучать тебя и другим наукам в своей школе, – добавил, поклонившись, вольноотпущенник.

Все захлопали в ладоши, а маленький Цицерон встал на стул и раскланялся. Да... Тщеславие у Марка было уже тогда, но ведь – положи руку на сердце – скажите, друзья: если бы это был Ваш ребенок – Вы же гордились бы им?

Это были первые аплодисменты маленького гения, а сколько их еще будет в его жизни...

Примечания.

¹ Фавн – Римский Бог лесов, охотников и пастухов, всей природы.

²*В 188 году до нашей эры жители Арпинума по решению Римского сената стали полноправными гражданами Рима.*

³*Хламида – у древних греков мужская верхняя одежда из шерстяной ткани. Хламида представляла собой продолговатую мантию, которая накидывалась на шею короткой стороной и застёгивалась на груди или на правом плече.*

Глава III. Почему Люцина не спасла? Ужасная утрата...

*Помни, что сильные страдания завершаются смертью, слабые
предоставляют нам частые передышки, а над умеренными мы владыки.
Таким образом, если их можно стерпеть,
снесем их; если же нет – уйдем из жизни,
раз она не доставляет нам радости,
как уходим из театра.*

Марк Туллий Цицерон.

Как часто в нашей жизни рука об руку идут счастье и горе, смерть и радость. Они вечные спутники человека на его жизненном пути.

Подходил к концу сотый год. Вот-вот бог времени и земледелия Сатурн должен был зажечь факел нового столетия, такого интересного и насыщенного событиями для Римской Республики. Семейство «всадника» Марка Цицерона возлежало за праздничным столом:

Во главе стола отец, справа от него сыновья Марк и Квинт, а слева – любимая жена Гельвия, которая была на сносях и должна была родить еще до третьих календ. Вся атмосфера в доме была насыщена детским смехом, шутками, как будто сама Веста, богиня домашнего очага и семейного благополучия, одарила домочадцев своим расположением. Радовались даже рабы, к которым хозяева относились с большой добротой. Вот маленький Марк взобрался на стол и начал громогласно декламировать на греческом поэму Гомера, но младший, Квинт, который любил своего старшего брата, но постоянно подтрунивал над его «ученостью», дернул его за подол тоги¹. Марк погнался за Квинтом, но споткнулся о ногу отца и кубарем полетел прямо в руки своего любимого учителя Диодота. Все домашние дружно залились смехом. Как прекрасно, когда все счастливы и здоровы и ничто не предвещает беды...

Внезапно мать семейства побледнела и схватилась за живот, и отец все понял. Он быстро вскочил на ноги и приказал рабу бегом бежать за акушеркой. Вмиг все веселье прекратилось.

Взяв Гельвию под руки, муж проводил ее в спальню, куда к этому времени уже подросла и акушерка. Она приказала всем выйти из комнаты.

Отец, нервно сжимая руки, ходил из угла в угол в смежной комнате. Сыновья притихли, сидя напротив него. Только маленький Квинт все спрашивал:

– Пап, с мамой же все будет хорошо?

– Да, сынок, – отвечал отец. На самом деле он не был в этом уверен. В те времена молодые римские женщины нередко умирали из-за того, что не могли разродиться. Кесарево сечение тогда еще не научились делать, и если плод лежал в утробе матери неправильно, была большая вероятность того, что женщина может погибнуть при родах.

Муж, чтобы не смущать детей своими переживаниями, вышел в сад и начал нервно ходить по дорожкам.

– О, Богиня Люцина! Помоги моей любимой разродиться, родить здоровенького малыша! – то и дело восклицал отец.

Марк очень любил свою белокурую жену. Он вспомнил, как они познакомились много лет назад на веселом декабрьском празднике Сатурналии, посвященном древнеиталийскому земледельческому богу Сатурну. Как он сразу приметил белокурую хохотушку Гельвию. Его восхитили безукоризненно правильные черты, маленький чувственный рот, красивый нос с точеным римским профилем, белоснежные локоны, струившиеся как горный ручей по ее прекрасным плечам. Туника² из тончайшей белоснежной шерсти подчеркивала гибкий стан и точеную фигурку девушки. Весь ее облик говорил о том, что она – настоящая дочь Великого Рима.

Марк влюбился сразу и навсегда. Маленький озорник Купидон³ попал точно в сердце.

Потом было сватовство у родителей Гельвии, помолвка с вручением, как того требовал обычай того времени, железного обручального кольца в знак верности намерений и – чуть позже – веселая сельская свадьба.

О, Венера!⁴ А какой волшебной была их первая брачная ночь! Гельвия отдавалась ему с такой страстью, что он понял: с этой женщиной он хочет прожить всю свою оставшуюся жизнь. Через некоторое время она родила ему первенца, и Марк был несказанно счастлив. А спустя еще три года родился маленький Квинт. Отец боготворил свою Малышку Гельви, как он ее называл наедине. Но и она отвечала ему тем же. Всегда заботилась о нем, угождала по первому требованию, была прекрасной любовницей, хорошей женой и отличной матерью...

– Как же я буду без нее??? Как мне жить без ее любви? Без милых и родных глаз! О, боги!! – Отец пытался гнать мысли, связанные со смертью, но они назойливо лезли в голову.

Через некоторое время домашний раб позвал Марка в спальню к супруге. Пока он шел, сердце бешено колотилось, он молился всем богам, каких только знал.

Войдя в комнату жены, он немного успокоился. Гельвия тихо сидела в родильном кресле (в древнем Риме рожали сидя), находившаяся рядом акушерка держала ее за руку.

– Господин, – произнесла акушерка, – воды отошли, но малыш пока не спешит явиться на свет. Будем молиться, чтобы богиня родов Люцина не оставила нас. Я сделала, что могла, – добавила она, поклонившись.

Марк подошел к жене, присел рядом на стул, взял ее руку.

– Любимая! Все будет хорошо, – проговорил он неуверенным и дрожащим голосом. – Я позову лучших лекарей из Рима, и мы обязательно поможем тебе.

– Дорогой мой, не надо. До Рима 600 стадий⁵. Пока твой гонец доедет туда, найдет лекаря и привезет ко мне, пройдет много часов. Тем более, я чувствую: все будет хорошо, – произнесла Гельвия твердо. – Если же Люцина не спасет меня, пообещай мне дать нашим сыновьям достойное образование, а если потребуется, переехать в Рим. Обещаешь? – спросила она.

– Малышка моя, не говори так, ты обязательно родишь, и мы проживем счастливо все впятером, – сказал Марк, осыпая поцелуями руку жены.

– Да, да, конечно, – ответила Гельвия, но тут по щекам ее побежали слезы, а лицо перекошилось от боли: как видно, опять начались схватки.

– Иди. Иди пока. Я тебя позову, если станет хуже, – прошептала она.

Отец вышел в соседнюю комнату, но ноги его предательски подкосились, и он рухнул на пороге. Он никогда не обладал богатырским здоровьем, и горе сразило его. Забегали слуги, привели домашнего лекаря. Он дал Марку что-то понюхать, потом налил снотворного и заставил выпить. Потом рабы отнесли его в покои, где он погрузился в тревожный сон. Ему снилось, что любимая машет ему откуда-то с неба, а он ей кричит:

– Ты куда? Зачем ты меня бросаешь? Не оставляй меня одного!

Марк очнулся: акушерка трясла его за плечо. Взглянув ей в лицо, он все понял. Что было сил, он бросился в спальню жены.

Гельвия уже лежала на кровати; простыни были все в крови. Началось внутренне кровотечение. В глазах любимой были такая боль, такое страдание, что Марк не выдержал и закричал:

– Да сделайте же что-нибудь!!! Спасите ее!!!

Акушерка отвела его в угол комнаты и тихо сказала:

– Марк, ей уже не выжить. Она потеряла слишком много крови. Мы можем попробовать спасти ребенка, разрезав живот матери.

– Нет! Нет! Нет! Ни за что!!! – Марк сел, закрыл руками лицо, и стон его наполнил комнату. Потом он бросился к жене и сжал ее руку, умоляя:

– Не покидай меня, прошу, не покидай!!!

Гельвия то и дело теряла сознание. Когда она пришла в себя и из последних сил приподняла руку, Марк осторожно прижал ее к щеке и стал нежно целовать.

– Марк, ты обещал мне позаботиться о наших сыновьях, – прошептала она. – Я очень люблю тебя. Ты самый лучший муж и отец. Для меня ты всегда был единственным. Спасибо тебе за счастливые годы. – С этими словами Гельвия закрыла глаза и с легкой улыбкой отошла в царство Гадеса⁶.

Марк зарыдал, упав на кровать, обнял тело жены и, прижимаясь к ней лицом, все повторял и повторял:

– О, боги!!! Почему?! Почему?! Вы забрали мою любимую и единственную!! За что???

Акушерка подошла к Марку и еще раз попросила его разрешения разрезать живот Гельвии, чтобы, если возможно, спасти ребенка. Он, молча, кивнул головой и на дрожащих ногах вышел из комнаты. Домашний лекарь и акушерка довольно быстро извлекли малыша. Но крика детского никто не услышал. Новорожденный – это был мальчик – был туго обвит пуповиной, и личико его уже посинело. Ребенка завернули и унесли.

Светало...

Начинался новый день. Это был его первый день без любимой, без ее звонкого и озорного смеха. Без ее любви и заботы.

Ужасные и безутешные мысли стучали в голове у Марка, словно тяжкий молот: «Никогда! Никогда! Он больше не прижмет ее к себе и не посадит на колени. Никогда! Он не почувствует тепло ее родных рук. Никогда больше она не обнимет их сыновей...».

Жизнь разделилась на «до» и «после». Марк за одну эту ночь сильно постарел и осунулся.

Он вернулся в комнату, сел на кровать жены, посмотрел на родное лицо и вспомнил слова Гельвии о том, что он должен позаботиться об их сыновьях. Ведь он поклялся ей!

Марк взял себя в руки. Надо было как-то жить дальше. Он позвал слуг, велел прибрать в комнате, вымыть и красиво одеть любимую. И только после того, как его приказание было исполнено, он прошел в комнату к сыновьям, чтобы сообщить страшную весть.

Зайдя в детскую, он удивился тому, как сладко они спят. Поистине, сама мать природа оберегает разум ребенка от тяжких потрясений. Он наклонился к маленькому Марку, нежно поцеловал его и произнес:

– Малыш, вставай. Уже утро.

Мальчик открыл глаза и, как всегда, протянул руки к отцу. Тот обнял сына, не в силах сдержать слезы.

– Пап, что с тобой? – спросил Марк. И тут он вспомнил:

– А мама? Она уже родила?

– Мамы больше нет с нами, она ушла, – глухо произнес отец.

– Как??? Мальчик вскочил и побежал в спальню к маме. От шума проснулся и Квинт. Он сразу все понял и побежал вдогонку за братом.

Когда отец вошел в комнату, малыши плакали, прижимаясь к матери. Он приблизился к ним, сел на кровать, обнял обоих и сказал:

– Мои родные! Наша мама на прощанье наказала мне, что вы должны получить достойное образование и вырасти настоящими, хорошими людьми. И я сделаю все, чтобы это было так.

Маленький Марк посмотрел на отца, потом на мать, а затем, встав на колени перед ее смертным ложем, поднял руку как истинный римлянин и произнес:

– Мама, я клянусь! Я буду прилежно учиться. Я буду помогать людям. Буду честен и порядочен со всеми. Я прославлю наш род. Глядя на меня с небес, ты будешь гордиться мной.

Это была первая в жизни клятва Цицерона. Забегая вперед, признаем: он сдержал свои обещания. Все до единого.

Примечания.

¹Тога — римская верхняя одежда мужчин, обычно белого цвета. Растянутая на плоскости тога имела вид ромба с закругленными краями: она представляла собой овальный кусок материи. В длину она была по крайней мере в три человеческих роста, не считая головы; в ширину — в два человеческих роста. Тога считалась отличительным признаком гражданина. Тога, которую носили дети, была окаймлена тонкой пурпурной полосой.

²Туника — одежда в форме мешка с отверстием для головы и рук, обычно покрывавшая тело от плеч до бедер. Туника, изготовленная без талии, получила распространение в Древнем Риме. У мужчин туника обычно носилась под тогой, женщины на туннику с рукавами надевали безрукавную тунику.

³Купидон — Бог любви у римлян.

⁴Венера — Богиня любви и красоты у римлян.

⁵Стадий — 10 стадий = 1,745 км.

⁶Гадес — царство мертвых у римлян.

Глава IV. Начальная школа

*Недостаточно овладеть мудростью,
нужно также уметь пользоваться ею.*
Марк Туллий Цицерон.

Прошло несколько месяцев после вышеописанных событий. Удивительно, как быстро дети умеют забывать горе. Вот бы нам, взрослым, так научиться... В доме опять стал слышен детский смех, как будто и не было страшной утраты в семье. Жизнь брала свое: так устроен мир.

Маленький Цицерон готовился к школе. Уже в самом начале обучения он желал блеснуть знанием греческого языка и трудов греческих философов и историков. Мальчик не отличался красотой: был очень худ, имел огромные уши и крупный нос. И если не внешностью, но знаниями он хотел понравиться своим сверстникам и заслужить их уважение.

Как же в те времена строилось обучение маленьких граждан Рима?

Школа и классы

Отдельно стоящих, как в современном мире, школьных зданий не было. Директор школы, – как правило, грек-вольноотпущенник, – просто арендовал для своих учеников помещение в частном доме, где и проводились занятия.

Столов вообще не было. Сам учитель сидел на катедре – это было кресло с высокой спинкой, а ученики располагались вокруг на стульях или табуретах. Все же необходимые школьные предметы им приходилось просто держать на коленях.

Школьные атрибуты

Писали римские дети, как и греческие, на восковых табличках¹.

Для счета использовались мелкие морские камешки. Но особенно детям нравилось использовать для счета пальцы своих рук: на левой руке были единицы и десятки, на правой – сотни и тысячи.

Начало учебного года

1 марта в Римские времена было началом учебного года и вообще новолетием. Детей, как и у нас, отдавали в школу в семилетнем возрасте. Мальчики и девочки учились вместе, по крайней мере, в начальной школе – с 7 до 12 лет. Девочки и мальчики из очень богатых семей, как правило, учились дома.

Кто учил и чему

Обучение детей в начальной школе проходило под руководством, так называемого *литератора*.²

Обучались детишки трем основным предметам: Чтению, Письму, Счету.

Иногда, в богатых школах, арифметикой занимался приглашенный учитель, которого называли *калькулятор* (не путать с вычислительным прибором).

Каникулы

Римляне верили, что миром правят боги. Бессмертные вершат судьбы людей, руководят их поступками, и от них зависит, будет ли в домах людей радость, несчастье или беда. Горы, реки, леса и поля также населены различными божествами и демонами, от которых зависит плодородие земель, урожай, обилие рыбы в воде и дичи в лесу. И праздников для поклонения всем этим богам у римлян было аж целых пятьдесят в году. Чему несказанно радовались школьники.

С конца июля дети переставали учиться из-за невыносимой жары и приступали к занятиям только в середине октября, когда жара несколько спадала.

Но уж когда они начинали заниматься, то учились с рассвета и до заката – перерыв был только на обед. Нашим современным детям в этом смысле гораздо легче: они проводят в школе максимум 5—6 часов.

Девочки и обучение

Государство очень серьезно относилось к образованию девочек. Истинные римлянки (то есть гражданки Рима) обязаны были разбираться в литературе, грамматике, риторике. Они должны были уметь петь, танцевать и понимать музыку. Знаете, каким был лучший комплимент для девушки в то время? **«Puella docta», что в переводе означает – обученная девушка.**

Дисциплина

Дисциплина в Риме была жесткой как в армии, так и в школе. Если вы меня спросите, применялись ли в школе телесные наказания, я отвечу: да. За что? А вот об этом вы прочтете в нашей книге дальше...

Вот в такую школу, находившуюся в Арпине, в один из мартовских дней 99 года до н.э. и пошел счастливый маленький Цицерон, сопровождаемый отцом.

Начинался первый официальный этап обучения в его жизни.

Примечания.

¹Восковая табличка представляет собой деревянную доску, покрытую слоем воска. На них можно было писать и стирать написанное с помощью грифеля, один конец которого был заострен для письма, а другой, сферической формы, играл роль ластика. Время от времени воск счищался, и дощечки покрывались им заново. Существующее во многих европейских языках выражение «с чистого листа» («*tabula rasa*») происходит именно от этой процедуры. Часто таблички складывались воском вовнутрь и соединялись по несколько штук кожаным ремешком – получалась книжка, прообраз средневековых кодексов и дальний предок современных книг.

²Литератор – учитель начальных классов, обучавший детей письму, чтению и счету.

Глава V. Первые успехи и первая кровь...

*Невозможно себе представить,
чтобы люди, которые стараются внушить страх,
сами не боялись тех, в кого они желают вселить страх.*
Марк Туллий Цицерон.

Каждый из нас когда-то приходил в свой первый класс. Вспомните! Вспомните!!! Свои эмоции, чувства, волнение. Все мы с любопытством смотрели друг на друга, на класс, на нового учителя. Перед нами открывались двери в удивительный и волшебный мир знаний и чего-то нового, таинственного, о чем мы могли только догадываться...

Количество учеников по современным меркам было небольшим – всего 12. Все это были дети граждан Рима, зажиточных и не очень. Девочек было пятеро, а мальчиков семеро. Их литератор (учитель) по своему происхождению был греком по имени Пахомий, что в переводе с греческого означало «толстый». И этот человек, надо отметить, полностью оправдывал свое имя. Когда он в первый раз входил в класс, детям показалось, что он просто не сможет протиснуться в дверь. Толстяк медленно-медленно, осторожно-осторожно с большим трудом втиснулся в класс, вытер пот со лба и с трудом сел в кресло. Раздался жалобный стон или быть может скрип? Бедное кресло просто содрогнулось от тяжести груза... Раздался смех маленького сорванца Гая из древнего аристократического рода Юлиев. Этот мальчик с самого начала почему-то не понравился Цицерону. Может, потому, что Марк по своей природе не был таким бойким?

Пахомий нахмурился и грозно спросил:

– Кто это тут смеется? – и жестом подозвал к себе маленького Гая. Тот робко приблизился к учителю. Пахомий развернул сорванца к себе спиной, задрал его тогу и ударил по мягкому месту припасенной заранее ивовою розгой. Гай взвизгнул, а потом обиженно спросил учителя:

– За что?

– В следующий раз не будешь нарушать дисциплину, – сурово заметил Пахомий.

Класс притих. Никто не ожидал такого. «Разве учитель имеет право телесно наказывать детей влиятельных родителей? – подумал Цицерон. – Я не хочу, чтобы меня так прилюдно наказывали, и постараюсь быть лучшим в учебе и не нарушать дисциплину», – решил он про себя.

И началась трудная учебная жизнь. Каждое утро ученики вставали в семь утра, чтобы в восемь быть в школе. Первым делом их учили чтению и письму. Система обучения строилась так: сначала дети заучивали одно за другим названия букв, еще не зная, как они выглядят, затем приучались складывать буквы в слоги и, наконец, в слова. Причем Пахомий заставлял их хором повторять за ним.

О, боги!!! Бедные жители окрестных домов – как они уставали за день от звонких детских голосов! Ведь отдельно стоящей школы не было, и дети занимались в арендованном помещении. Если была хорошая погода, они выходили в маленький дворик и учились прямо на улице, от чего бедные соседи просто сходили с ума. Таблицу умножения они также хором повторяли вслед за учителем. Как только солнце садилось, и наступали сумерки, детей отводили домой их домашние педагоги (воспитатели). Марка приводил в школу и провожал домой Диодот.

Наш герой учился очень прилежно, видимо, тяга к знаниям была в него вложена с молоком матери, женщины весьма образованной и воспитанной. Будущего гения отличала от остальных огромная работоспособность и феноменальная память. Другие дети к концу дня клевали носом от усталости, а Марк был свеж и энергичен. То, что другие дети с трудом запоминали за неделю или две, он умудрялся освоить за пару дней. Отцы некоторых детей ино-

гда приходили на занятия специально, чтобы увидеть юного вундеркинда, отчего маленький Цицерон просто взлетал на крыльях своего тщеславия и старался еще больше всех удивить.

В одиннадцать лет Марк влюбился в свою одноклассницу – дочь зажиточного «всадника». У нее было красивое имя Корнелия. Девочка в свои одиннадцать лет была изящна, белокура и прелестна, будто сама богиня любви и красоты Венера поцеловала ее при рождении. Надо ли говорить, что все мальчики класса были безутешно в нее влюблены? Наш герой со своей невероятной худобой, огромными ушами и детской наивностью на лице был полной противоположностью сорванцу Гаю. Тот был крепыш с развитыми не по годам мышцами и телосложением юноши. Да, он не отличался такой сообразительностью и успехами в учебе, как Марк, но он брал другим – бойкостью, беспашашностью и умением рассмешить всех девчонок в классе. И вот между этими двумя мальчиками вспыхнула ссора за внимание «дамы» Корнелии.

Как-то к концу очередного учебного дня, когда все дети собирались домой, Гай стал насмехаться над ушами Марка.

– Цицерон, ты свои уши, наверно, отнял у карфагенских слонов¹, чтобы обмахивать ими лицо, когда становится жарко, – острит насмешник.

Все от души хохотали. Больше всего Марку было то, что Корнелия тоже смеялась. Мальчик понимал, что если смолчать, его в классе не будут уважать, ведь уважают не только за знания, но и за мужские качества. «Что делать? Если я позову его драться, он в два счета разделается со мной, как когда-то Рим разделался с Ганнибалом²», – думал Марк. Но выхода не было, и он решился.

– Гай, ты знаешь, мне твоя фигура напоминает быков на поле моего отца. Кстати, они такие же тупые, как ты.

Что тут началось! Гай бросился с кулаками на Цицерона, но ему не дали начать драку другие ученики, а наш герой, собрав все свое мужество, спокойно сказал:

– Приходи сегодня вечером на речку Фибрен, и там посмотрим, такой ты храбрый и сильный на деле, каким пытаешься казаться перед нашими девочками, или нет. – Сказав это, он краем глаза увидел удивленное лицо Корнелии, ему даже показалось, что в глазах юной прелестницы мелькнуло восхищение. О, Юпитер! За эти глаза и лучезарную улыбку он готов был отдать весь мир!

Все дети, включая и девчонок, приказав своим педагогам следовать за ними, отправились на речку, на ходу обсуждая будущее сражение и споря, кто победит. Большинство склонялось к мнению, что Цицерон будет поколочен неисправимым забиякой Гаем.

Маленький Цицерон, как мы уже отмечали, был весьма сообразителен и умел просчитывать ходы. Идя чуть позади сверстников, он искал выход из сложившейся ситуации.

Вариант первый. Он примет бой. Сколько он продержится? Минуту? Две?

Вариант второй. Он прямо сейчас сбежит. Но как завтра прийти в школу? Его просто назовут трусом и засмеют. А главное, он потеряет уважение Корнелии.

Что, что придумать? Ум мальчика лихорадочно работал, но, видимо, из-за избытка адреналина решений никаких не находилось.

И вдруг его осенило! Он вспомнил, как Геркулес победил Немейского льва. Его нельзя было победить с помощью оружия, так как у зверя была очень крепкая шкура, поэтому Геркулес его измотал, отступая и уворачиваясь, а потом задушил обессиленного льва. «Вот и я поступлю так же», – решил Марк.

Группа подростков подошла к берегу живописной реки Фибрен, где они так любили купаться летом. Берега украшали кипарисы и ивы, сладко пели о чем-то своем соловьи. «Стоп! Сейчас не до красот», – остановил себя Цицерон.

Дети расположились на свежей траве, и приготовились к представлению. Известная римская фраза «Хлеба и зрелищ!» была известна даже им. Корнелия внимательно посмотрела на Марка и улыбнулась, как будто подбадривая его. Это сразу придало сил нашему герою.

Противники стали друг напротив друга. Гай выставил перед собой кулаки. «Видимо, его дома обучали искусству кулачного боя», – догадался Цицерон. Поединок начался.

Гай быстро кинулся на Марка, пытаясь нанести ему, сокрушительный удар в голову, но тот незаметным движением ушел в сторону, и кулак просвистел в сантиметрах от его лица. Все восхищенно присвистнули. Только вот непонятно, кем они восхищались – Гаем или Цицероном.

Гай предпринял очередную попытку; тут он оказался чуть-чуть проворнее Марка и разбил ему нос. Но все последующие атаки Гая заканчивались безрезультатно. Из носа капала кровь, но Марк не обращал на это внимания и был на чем-то сосредоточен – это видели все.

– Почему же он не бьет в ответ, что он замыслил? – недоуменно спрашивали дети друг друга.

А Гай уже начинал тяжело дышать. За три минуты он выдохся, устал бегать за уворачивающимся Марком, хотя последнему прошедшие минуты показались вечностью. И вот Гай делает очередной выпад рукой, Цицерон уходит в сторону и вдруг сзади со всей силы обхватывает шею Гая двумя руками и, всем телом навалившись на него со спины, опрокидывает забияку назад.

Что тут началось! Девчонки завизжали, парни вскочили на ноги. А Марк тем временем душил уже хрипевшего Гая. Подростки налетели на Цицерона, пытаясь оторвать его руки от шеи противника, но бесполезно. Хватка у Цицерона уже в этом возрасте была железная, и он знал, что если отпустится, то проиграет.

Если кто-нибудь из Вас хоть раз в жизни дрался, тот его поймет. Все человеческие нормы морали и этики отступают на задний план, а инстинкт борьбы за самку и выживание выходит на первое место. Все остальное просто не имеет значения. У Гая начали закатываться глаза, изо рта вывалился язык, еще чуть-чуть – и он будет задушен.

Что было дальше? Возможно, если бы Марк тогда задушил своего противника, то не было бы у него головокружительной карьеры, а была бы совсем другая судьба. Но Фортуна, богиня судьбы и случая, имела на маленького Цицерона свои планы.

Корнелия – яблоко раздора – оказалась сообразительней всех. Она набрала воды из речки в какую-то посудину и резким движением вылила на дерущихся. Это привело Марка в чувство. Он отпустил уже почти задушенного Гая и, пошатываясь, поднялся на ноги. А Гай еще долго лежал, пытаясь отдышаться, затем педагог поднял его с земли, и они вдвоем побрели к своему дому.

К Цицерону подходили сверстники, уважительно пожимали руку, похлопывали по плечу. Последней подошла Корнелия.

– Ты меня удивил. Ведь у тебя не было шансов против этого Гая, – произнесла белокурая красавица. – А вот тебе от меня награда, – добавила она и поцеловала его в щеку, после чего удалилась.

Цицерон, потрясенный, стоял и не верил, что его поцеловала самая красивая девочка их класса! Что он победил! Это событие повлияло на всю его жизнь. Он понял и запомнил навсегда:

«Настоящая победа – это победа над самим собой»³.

Нужно верить в себя, и тогда добьешься всего, о чем мечтаешь...

Примечания.

¹*Карфагён – финикийское государство со столицей в одноименном городе, существовавшее в древности на севере Африки, на территории современного Туниса. Карфаген основан в 814 году до н. э. колонистами из финикийского города Тир. К III веку до н. э. он становится крупнейшим государством на западе Средиземного моря, подчинив Южную Испанию, Северную Африку, Сицилию, Сардинию, Корсику. После серии войн против Рима потерял свои завоевания и был разрушен в 146 году до н. э., его территория превращена в провинцию Африка.*

²*Ганнибал (247—183 до н. э.) – карфагенский полководец. Считается одним из величайших полководцев и государственных деятелей древности. Был заклятым врагом Римской республики и последним значимым лидером Карфагена перед его падением в серии Пунических войн.*

³*Морихэй Уэсиба (1883—1968) – основатель и создатель Айкидо.*

Глава VI. О, как прекрасна первая влюбленность!

*Ничто не вечно под луной —
Ни ты, ни он и не она
Пройдут века, не будет нас
Любовь одна бессмертна на земле
Любовь – вот смысл бытия!
Люби сейчас и будь любим —
Ведь завтра может и не быть...*

Василий Князев.

Друзья, вспомните свою первую влюбленность. Остановитесь, не читайте дальше!

Вспомнили? Сердце готово «выпрыгнуть» из груди, тебя переполняет радость от нежных чувств, тебе хочется петь, танцевать, смеяться и видеть свою любимую (или любимого) постоянно. От одного прикосновения рук бегут мурашки по коже, учащается дыхание, появляется румянец. Каждый час, проведенный вместе, пролетает как одна секунда. А расставание на минуту, кажется, длится целую вечность...

Именно эти чувства испытывал Цицерон. Он был влюблен в Корнелию, и она после его знаменитого поединка с Гаем отвечала ему взаимностью. Они утром приходили в школу вместе (благо усадьбы их родителей были близко). Старались сесть рядом во время уроков. А если их руки случайно соприкасались, на лицах обоих вспыхивало смущение. Марк старался во всем помогать Корнелии на уроках, проявлял нежность и заботу о ней. Если она забывала дома восковую табличку, он отдавал ей свою. А она в ответ частенько приносила ему из дома что-нибудь вкусненькое, стремясь побаловать своего кавалера. Вечером с уроков они шли домой, держась за руки. А сколько стихов он посвятил своей музе! Кто из нас в столь юном и романтическом возрасте не пытался писать стихи своей даме! И у Вас было? Я так и думал...

*Ты белокура и нежна,
твой стан так строен и прекрасен,
твои глаза как неба бирюза,
а губы как морской коралл,
когда я вижу эту красоту,
хочу прижаться к ней губами,
ласкать, лелеять, целовать
и больше никогда не отпускать...*

Так Марк воспевал красоту Корнелии, а она смущенно улыбалась и краснела от волнения. Румянец на щеках горит, глаза блестят, сама дрожит от восхищенья...

Очень любил Цицерон семейные праздники, когда его семья приглашала в гости семью Корнелии. Пока взрослые возлежали за столом, наслаждаясь общением и изысканными винами, они с Корнелией могли погулять в саду и насладиться первыми невинными детскими поцелуями.

Да... Он помнит этот жаркий июльский вечер, когда первый раз поцеловал свою Корнелию. В воздухе повис сладкий запах персиков и оливок, нежно обволакивал своим легким дыханием шалунишка ветер, птицы на ветвях деревьев нежно ворковали друг с другом. Казалось, сама богиня лесов и полей Фауна благословила детей на первый поцелуй.

Марк приобнял свою спутницу за талию и мысленно все собирался и собирался поцеловать ее. Было почему-то страшно и неловко. Его всего трясло от волнения. Заметив это, Корне-

лия сама наклонилась к нему и улыбнулась. И Марк решился. Он неловко «чмокнул» ее в губы, ожидая пощечины, но Корнелия засмеялась, обняла его за шею и прильнула к его губам. О, боги! Какое это было наслаждение! Сочные, чуть влажные, как спелые персики, губы девушки нежно обвили его губы. Марк почувствовал, как у него закружилась голова. Окрыленный ее нежностью, он посадил спутницу к себе на колени, и они слились в жарком поцелуе....

Сколько они целовались, они не знали, бог времени Хронос просто забыл о них. Очнулись они от окрика родителей, которые их потеряли. Когда дети вошли в триклиний, вид у них был смущенный: их губы горели от поцелуев, и им казалось, что это видят все.

Взглянув на них, отец Марка, обращаясь к отцу Корнелии Марию, произнес:

– А не поженить ли нам наших детей?

Марий засмеялся и ответил:

– Рано еще, пусть сначала образование получают, а там видно будет.

А дети – что дети? Они стояли у входа в триклиний, держась за руки, и были счастливы. Сам бог любви Купидон поразил их сердца.

Почему счастье, радость, наслаждение не может длиться вечно? Почему это состояние рано или поздно проходит? Может, потому, что все в мире имеет свое начало и конец?...

Глава VII. Луций Лициний Красс – лучший оратор Рима?

*Каков человек, такова и его речь.
Марк Туллий Цицерон.*

Когда-то давно над смертным ложем своей матери шестилетний Марк поклялся стать успешным и прославить род Цицеронов. Сейчас, в одиннадцать лет, он уже обладал незаурядным взрослым стратегическим мышлением, дальновидностью и целеустремленностью. Мысли о том, как достичь успеха, почти постоянно сопровождали Марка, отступая на задний план лишь тогда, когда он был с Корнелией. Большого состояния его отец не имел и не происходил из знатного патрицианского рода. В Риме был только один знатный человек, друживший с отцом, – Муций Сцевола: сенатор, юрист, оратор. Он мог оказать поддержку юному Цицерону. И Марк сделал свой выбор: «Надо стать преуспевающим судебным оратором, как Муций Сцевола». Если боги помогут, он своими успешно выигранными делами как минимум завяжет полезные знакомства с сильными мира сего, а как максимум – сделает политическую карьеру и прославит свой род. К тому же надо отметить: Марка с детства влекло к публичному выступлению, ему нравилось внимание слушателей, он умел убеждать и доказывать свою правоту, в конце концов, он ОБОЖАЛ звук оваций!!!

И Марк с жадностью и неутомимой энергией начал изучать труды ораторов прошлых столетий. Но это была всего лишь теория. Ему захотелось своими ушами услышать речь известного оратора того времени Луция Красса¹. Узнав, что тот готовит речь в защиту Сервилия Сципиона, полководца, обвиненного в неподчинении *homo novus* – «новому человеку», консулу из сословия «всадников», он решает попасть в Рим на это слушание.

В один из сентябрьских вечеров Марк подошел к отцу и сказал:

– Отец, учеба у нас начинается только в октябре. Я узнал, что через три дня состоится речь Красса, на которой я бы хотел присутствовать, чтобы поучиться искусству публичного выступления и обсуждения. Давай возьмем, Квинта и все вместе поедem в Рим.

– Ты решил стать судебным оратором? – спросил отец.

– На мой взгляд, эта профессия одна из самых перспективных, чтобы прославиться и преуспеть, – серьезно сказал одиннадцатилетний подросток.

– Хорошо, – улыбнулся отец. – Собирайтесь, завтра утром едем.

Эта была первая поездка маленького Цицерона в «Вечный и Великий» город. Немного истории для Вашего понимания, уважаемый читатель. Если кто-то из Вас хорошо знаком с историей образования Рима, можете эти строчки пропустить.

«Согласно самой распространенной легенде, братья Ромул и Рем, рожденные от дочери царя Альба-Лонги Реи Сильвии и бога Марса, выросли на берегу Тибра. Восстановив на троне Альба-Лонги законного правителя – своего деда Нумитора, Ромул и Рем вернулись к Тибру для основания колонии. Между братьями возникла ссора: Ромул убил Рема и основал укрепленное поселение на Палатине. В I веке до н. э. было вычислено несколько дат основания Рима, наиболее известная из которых – 21 апреля 753 года до н. э. (Википедия).

Рим еще называют городом семи холмов. Вот названия этих холмов.

– Авентин – в честь царя Авентина Сильвия².

– Виминал – «ивовый холм».

– Капитолий (от «*caput*» – голова, глава).

– Квиринал³ – в честь сабинянского бога Квирина, самый высокий из холмов.

– Палатин – в честь Палес – почитаемой пастушеской богини. Первый из обжитых холмов Рима.

– Целий – в честь этруска Целеса Вибенны⁴.

– Эсквилин – «загородная часть, пригород». Второй из обжитых холмов Рима.

Рим в 1 веке до н.э. был административным, культурным, историческим центром с разветвленной системой водоснабжения (сеть акведуков), канализацией, с большим количеством общественных бань, рынками, фонтанами, а также многочисленными храмами для поклонения богам. Был здесь и большой Цирк, или амфитеатр, как сейчас принято говорить, построенный легендарным царем Тарквинием Древним. Цирк находился между Палатинским и Авентинским холмами в марсианской долине. Как вы думаете, сколько он мог вместить зрителей? Представьте! Сто сорок тысяч!!! (для сравнения, современный стадион «Ноу Камп» в Барселоне имеет 99 тысяч 354 зрительских мест).

Поэтому и центральной площадью Рима стала долина между Палатином и Квириналом. Отсюда расходились важнейшие улицы: Via Sacra поднималась к главной святыне Рима – храму Юпитера Капитолийского⁵, параллельно ей, у подножия Палатина, проходили Via Nova и Via Subura, на северо-запад вела via Latina.

Другой важной площадью внутри города был скотный рынок возле Тибра – Бычий форум, располагавшийся в самой оживленной торговой части города. По соседству, но вне стен города, лежал овощной рынок.

надо отметить, что большинство улиц Рима в ту пору были очень узкими и извилистыми, так что два человека, идущие навстречу, могли столкнуться плечами. Вот по одной из таких улиц и шел отец с сыновьями по направлению к Курии – зданию на Капитолийском холме, где заседал сенат. Кипела бойкая торговля. В воздухе смешались и «повисли» различные звуки рынка. Это были крики торговцев, возгласы покупателей, смех женщин, запах всевозможной еды – персиков, специй, мяса, рыбы. Было такое ощущение, что все люди мира собрались здесь одновременно.

Отцу с сыновьями надо было успеть попасть на выступление известного римского оратора Луция Лициния Красса. Все трое активно работали локтями, только Марк часто останавливался и смотрел то на товары, то на торговцев, бойко торгующихся с покупателями. Мальчик был очень любознателен, и отцу постоянно приходилось его одергивать и торопить.

Цицероны подошли к зданию, где заседал сенат. В то время здание сената, или Курия, было мрачным и холодным (в нем никогда не топили, даже зимой). Здание это на многих нагоняло ужас и как минимум внушало благоговейное уважение.

Обустройство Курии было следующим: зал был разделен на две части проходом, выложенным белыми и черными плитками. Пространство между стенами было залито римским бетоном. Верхний периметр стен, кроме портика, был рассечен оконными проемами, освещавшими интерьер здания.

Внутри, вдоль стены, выстроились колонны, частично несшие на себе нагрузку массивной конусообразной крыши, покрытой позолоченной бронзовой черепицей. Сиденья для сенаторов были расположены вдоль стен в несколько рядов. В самом дальнем углу на возвышении стояли два стула для двух консулов.

Как снаружи, так и изнутри здание сената было богато украшено мрамором и скульптурами. В частности, слева и справа от портика были поставлены скульптуры Афины и Амфитриты, вывезенные с Родоса. Стены были украшены бронзовыми барельефами, а по их верхней части шла мозаичная картина, охватывающая весь интерьер.

Именно здесь вершились дела государства, принимались и утверждались законы, объявлялись войны, назначались диктаторы.

Огромная толпа плебса и клиентов⁶, простых зевак и бездельников толпилась у входа, ожидая появления известного оратора Луция Красса. Сегодня он должен был защищать знаменитого полководца Сервилия Сципиона, несправедливо обвиненного в неподчинении

по навету некоторых сенаторов из сословия «патрициев», опасавшихся усиления его влияния и могущества в сенате.

Отец и сыновья, с трудом протиснувшись вперед, расположились у самого входа в сенат, путь им преграждала лишь пурпурная ленточка (согласно древней традиции, чтобы рядовые граждане могли слышать и видеть, весь процесс обсуждения и принятия решений проходил открыто).

Спустя некоторое время сзади послышались восхищенный гул и рукоплескания. Оглянувшись, Марк увидел идущего к зданию сената мужчину в сопровождении не менее ста человек, среди которых были и рабы, и клиенты, и охрана.

Это был истинный гражданин Рима – Луций Лициний Красс. Атлетически сложенный, с гордо поднятой головой, уверенный в себе блестящий оратор, ученик известного ритора Метродора. Ему предстояло произнести речь в защиту Квинта Сервилия Сципиона. Цицерон залюбовался его статью и решил, что непременно станет таким же. «Надо будет поехать в Грецию и брать уроки кулачного боя? – Не вопрос. Надо будет заниматься физкультурой? – Обязательно буду», – решил уже тогда юный Цицерон.

Обвинителем выступил народный трибун Гай Норбан⁷.

Суть обвинения

Отказ подчиниться консулу Гнею Маллию Максиму⁸. Последствия: отряд Сципиона и отряд Максима расположились в разных лагерях на разных берегах Роны, этим воспользовался вождь Кимвров Бойориг и разбил римлян.

Вывод обвинителя: Сципион сыграл решающую роль в поражении римской армии в битве при Араузионе 6 октября 105 года до н. э.

Наказание, которого требовал трибун Гай Норбан

Лишить Сципиона гражданства, наложить «лишение огня и воды» (то есть никто из граждан не имеет права давать ему кров над головой и еду) и оштрафовать на 15 тысяч талантов золота, что по тем временам составляло огромное состояние.

Защитником выступил Луций Красс.

Юный Цицерон привстал на цыпочки и стал жадно слушать и смотреть, как выступает защитник Сципиона.

Красс поднял руку и начал свою речь.

– Приветствую Вас, консулы, сенаторы. Благодарю Вас за возможность выступить защитником выдающегося человека, потомка рода Сервилиев. Того рода, который на протяжении трех столетий верой и правдой служил Римскому народу. Уверен, что нет более достойных и справедливых отцов Рима, чем Вы. Только Вы способны принять правильное решение.

– Мы с Вами собрались здесь в этот прекрасный солнечный день, спустя десять лет после произошедших событий. Сенаторы, что же случилось??? – защитник картинно вознес руки к небу. В этот момент один из голубей, проникших в здание сената, метко попал своим «тайным оружием» Луцию прямо в лицо. Все засмеялись, кроме самого оратора, который невозмутимо достал дорогой платок из тончайшей белой шерсти, вытер лицо и после этого произнес:

– Вот видите, даже боги с Олимпа посылают нам свой знак непонимания. Сейчас, по прошествии стольких лет, мы обвиняем Квинта Сервилия Сципиона в гибели войска.

– Я скорблю вместе со всеми родственниками погибших. – Красс сделал горестное лицо, голос его был тих и кроток. – Из-за Сципиона было потеряно войско, и мы проиграли! О, боги!!! Это было ужасно!!! – Красс картинно и трагично поднял руки вверх.

– Но почему мы решили наказать человека спустя десять лет? Почему не сразу после поражения или не через пять лет? Мужчины! Мы что, до этого не могли вылезть из объятий наших женщин? Они нас так сладко обнимали, что мы все эти десять лет были глухи и слепы?

По залу пронесся легкий смех. Луций вышел в центр.

– Почему же, почему не подчинился Сервилий?! – Речь Красса из тихой и кроткой преобразилась в энергичную и страстную.

– Смотрите! – Луций начал чертить на воображаемой доске на полу дислокацию римских войск. – Отряд Сервилия находился на правом берегу, более высоком и удобном, чем левый, где стоял отряд консула. Эта высота позволила бы, и наступать, и защищаться более эффективно. Если бы консул Гней Максим перешел со своим отрядом туда, где находился Сервилий, то римская армия разгромила бы Кимвров и сейчас мы с вами сидели бы не здесь, в душном зале сената, а в римской бане и наслаждались бы прекрасным сицилийским или Тускульским вином.

По залу пробежал гул одобрения.

– Вот карта той местности, которая была у полководцев. – И Луций передал карту по рядам сенаторов, чтобы те удостоверились в документе.

– Я вызываю свидетеля – легионера, который был в подчинении у консула Гнея, – произнес Луций.

По рядам сената пробежал возглас удивления. Вошел крепко сложенный средних лет легионер со шрамом через все лицо. Поклонившись, он сказал:

– Я готов дать показания о тех событиях.

К нему подошел трибун обвинитель Гай Норбан и спросил:

– Ты понимаешь, что за дачу ложных показаний будешь казнен?

– Да, – ответил легионер.

– Из какого ты легиона?

– Двенадцатый легион, – ответил воин.

– Как тебя зовут?

– Тит Пулон.

– Ваша позиция на левом берегу была лучше? – продолжил допрос с пристрастием трибун.

– Нет, мы все понимали, что если останемся на этом берегу, то неминуемо погибнем. Надо было переходить на правый берег, где находился Сервилий. Там был более высокий берег, что идеально подходило как для атаки, так и для обороны. Но наш консул по какой-то причине недолго любил Сервилия и поэтому не хотел идти на уступку, так как был главнокомандующим. Но как солдат хочу сказать: здесь было важно принять стратегически правильное решение и забыть об амбициях и обидах.

– Как ты выжил? – спросил трибун.

– Меня тяжело ранили мечом, и я потерял сознание, а Кимвры решили, что я умер. Я пришел в себя через сутки, и меня выходила местная знахарка, только вот шрам остался на всю жизнь, – показал на рубец легионер.

Трибун с досадой отошел от воина и сел на свое место. Легионер поклонился членам сената и покинул здание.

Тогда снова взял слово Луций Красс.

– Вам достаточно доказательств, сенаторы? Сервилий потомственный полководец и понимал преимущество своей позиции, поэтому он и не выполнил приказ. Он не подчинился лишь потому, что Рим для него родной дом, и он понимал, что они проиграют, если подчинятся. Он не хотел, чтобы дикие варвары пришли в дом каждого из Вас! Он не хотел, чтобы они сожгли Рим. Изнасиловали и угнали в рабство наших матерей, жен и дочерей.

– Вот ты, Метелл, – обратился Луций к представителю древнейшего римского патрицианского рода, – скажи, ты бы хотел, чтобы в твой дом пришли варвары?

– Конечно, нет. Что за странный вопрос!

– Вот и Сервилий Сципион этого не хотел. Мы судим не того!!! Сенаторы, Вы все справедливые и достойные граждане, отцы нашего славного города, так почему мы до сих пор все еще здесь, а не в амфитеатре, где готовится отличное выступление финикийских гладиаторов?!

– Ради моих заслуг и моих лет! Примите правильное решение в отношении моего квестора! Ведь, как вы помните, я никогда не просил за себя и своих друзей! Я прошу снять все обвинения против Сципиона. Такое решение будет достойно Вас – ведь Вы совесть Рима! – закончил свою речь страстно и горячо Красс.

Раздались бурные аплодисменты, все сенаторы встали и устроили Луцию Крассу овацию. После выступления оратора семья Цицеронов села в повозку, предварительно выбравшись из центра города и отправилась домой. А в голове у подростка все звучали и звучали аплодисменты, которых был удостоен Луций Красс. «Пройдут годы, и настанет день, когда мне также будет рукоплескать весь Сенат и римский народ», – с этой мыслью одиннадцатилетний Цицерон сладко потянулся и заснул, положив голову на плечо своего отца.

Примечания.

¹ Луций Красс (140 до н. э. – 91 до н. э.) – древнеримский оратор, политик, консул с 95 до н. э., цензор с 92 до н. э.

² Авентий Сильвий – согласно римской мифологии, потомок Энея и второй царь города Альба-Лонга. Правил в течение 37 лет. Был похоронен на римском холме, позже названном в его честь.

³ Квирин – один из древнейших италийских и римских богов. Квирин был первоначально божеством сабинян. Был привнесен в Рим сабинскими переселенцами, заселившими Квиринальский холм. Первоначально был богом войны, подобным Марсу. В более позднее время идентифицировался с Ромулом, первым римским царем. В начальный период истории Римского государства Квирин, вместе с Юпитером и Марсом, входил в триаду главных римских богов, каждый из которых имел своего Верховного жреца. Праздник бога Квирина – Квириналии – устраивался 17 февраля.

⁴ Царь Этрусков Целес Вибенн – согласно легенде, завоевал Рим.

⁵ Храм Юпитера Капитолийского – по легенде был заложен Тарквинием Древним, а завершил строительство Тарквиний Гордый в конце 6 века до н. э в 509 г. Этот храм был самым большим в Риме. Он был посвящен этрусской триаде богов: Юпитеру Всесильному, Юноне и Минерве. Когда победители возвращались в Рим с войны, они пересекали римский Форум и поднимались на Капитолий, чтобы поблагодарить Юпитера и оставить ему часть трофеев.

⁶ Клиенты – обедневшие члены рода либо чужаки, переселившиеся на римские земли, иногда рабы, превратившиеся в вольноотпущенников. Бедные и политически бесправные члены римского общества. Им требовалась защита и они были вынуждены вступать в род какого-либо патриция, становясь по сути его слугой. Они поддерживали его и сопровождали на Римский форум, в Сенат, если требовалось, то и в поход на войну. Патриций в свою очередь содержал их, защищал и представлял их интересы в суде. После смерти клиента его имущество переходило к патрону, то есть патрицию.

⁷ Гай Норбан – народный трибун, древнеримский политик и военачальник, консул 83 до н. э. Норбан был одним из представителей *homo novus*, чьи предки никогда не занимали высоких государственных должностей. В должности народного трибуна привлечен к ответственности Квинта Сервилия Сципиона за поражение в битве при Араузионе. Умер в 82 или 81 году до н. э., покончив жизнь самоубийством.

⁸Гней Маллий Максим – древнеримский политик и полководец, консул 105 года до н. э., участник битвы при Араузионе 6 октября 105 года до н. э. Происходил из *homo novus*. В 105 году до н. э. был избран консулом и вскоре получил армию для борьбы против кимбров и тевтонов в южной Галлии. Находившийся неподалеку от Араузиона Квинт Сервилий Сципион, который должен был подчиняться Максиму как действующему консулу, отказался выполнять его приказы из-за невысокого происхождения последнего.

Глава VIII. Невыносимая боль и жертва Цицерона

*Если боль мучительна, она непродолжительна,
а если продолжительна, то не мучительна.
Марк Туллий Цицерон.*

Мы сами создаем то, что хотим, мы есть то, что думаем и желаем. Не верите? Цицерон тому доказательство. Мальчик не из самой богатой и родовитой семьи, но с огромным честолюбием, трудолюбием и невероятной целеустремленностью, уже в возрасте 12 лет стал знаменитостью у себя дома в Арпинуме. Когда он шел на какое-нибудь мероприятие или праздник, его сопровождала самая настоящая свита почитателей – его ровесников. Все это выглядело так же, как у взрослых: словно консул идет в сопровождении своих легатов по улицам Рима. Дети уступали Марку самое лучшее, центральное место на представлениях, признавая в нем своего лидера. Его уважали и любили – и не только за познания в учебе, умение писать выдающиеся поэмы (такие как «Главк Понтийский», «О Марии»), но и за доброту и честность. Никогда! Никогда он не отказывал своим друзьям в помощи. И всегда был с ними честен. Видимо, эти черты он унаследовал от отца и от покойной матери, Гельвии.

Цицерон обожал учиться. Школьного образования ему не хватало, и вплоть до совершеннолетия Марк вместе с отцом и братом Квинтом неоднократно ездил в Рим, где слушал в Курии речи ораторов. Он уже давно перерос свой маленький Арпин, и отец это видел и понимал. Необходимо было перебраться в Рим, где у отца имелся скромный двухэтажный дом на гребне холма Эсквилин. Это позволило бы дать сыновьям хорошее образование и в будущем сделать карьеру.

И вот в конце июля 91 года до н. э. за несколько дней до августовских календ между отцом и старшим сыном состоялся разговор. Сын к тому времени уже закончил так называемую среднюю школу, ему было пятнадцать. Больше при всем своем желании маленький провинциальный городок Арпин не мог ему дать.

– Ну, Марк, – произнес отец. – Что будем делать? Надо ехать в Рим, чтобы вы с Квинтом могли продолжить образование у видных судебных ораторов, философов. Как ты думаешь?

– Да, я согласен с тобой, – печально произнес юноша.

– Ты не рад, что мы поедем в Великий город? – удивленно спросил отец.

– Отец, он просто не знает, как сможет оставить свою Корнелию, с которой встречается вот уже четыре года, – ехидно произнес Квинт.

Марк от этого возгласа стал еще печальнее и ничего не ответил.

– Сынок, ты молод, у тебя впереди еще будет много Корнелий, – сказал отец.

– Таких, как Корнелия, у меня больше не будет, ведь она – моя первая любовь. Я не представляю, как смогу ее бросить, ведь мы так близки...

– Ты лишил ее девственности? – грозно спросил отец.

– Нет, конечно. Я не в этом смысле... Мы полюбили друг друга.

– Но, Марк, ты ведь не можешь сейчас жениться, ты еще так молод. Тебе нужно получить образование, да и, в конце концов, погуляй, пока молодой.

– Отец, единственное, ради чего я могу так поступить, – это клятва, которую я дал над смертным ложем моей матери, пообещав прославить наш род, – печально ответил сын и вышел из комнаты.

С того времени, как Марк и Корнелия стали встречаться, прошло несколько лет. Он искренне любил, и его любили – пусть детской и наивной любовью. Но если мы с Вами, друзья, вспомним свои чувства в те далекие пятнадцать, шестнадцать лет, – нам ведь тогда казалось, что это навсегда? И что больше никогда мы так не сможем полюбить, верно? А потом, когда

проходили годы и мы становились зрелыми, то с легкой улыбкой вспоминали о тех своих мыслях и чувствах, удивляясь своей наивности и одновременно восхищаясь остротой и чистотой первых впечатлений от такого сладкого чувства, как любовь.

Юный Цицерон шел к дому Корнелии, и сердце его сжималось от боли. Какая дикая и беспощадная боль! При мысли о том, что ему придется расстаться с любимой и родной ему Корнелией! С каждым шагом к ее дому идти становилось все труднее и труднее. Он начал вспоминать, как она его поцеловала после победы над забиякой Гаем. Их прекрасные и нежные вечера, совместные прогулки на речку Фибрен, где они так любили купаться и радоваться встречам друг с другом. О, боги! А первые полувзрослые поцелуи, от которых у обоих так сладко кружилась голова! И он должен ее оставить?! Но, как, как?! Он не сможет без своей Корнелии, без ее нежности и ласки! Все эти мысли невольно вызвали слезы, и юноша не заметил, как они маленькими жемчужными капельками начали падать на землю.

Когда, подойдя к дому, он поднял глаза, то увидел стоявшую на пороге Корнелию, – она, словно почувствовав неладное, уже поджидала его.

За те четыре года, что они встречались, Корнелия сильно повзрослела и превратилась в восхитительную юную девушку. Она была высока и стройна. Белокурые шелковистые волосы струящимся водопадом спускались на белоснежные плечи, достойные самой Юноны. Большие миндалевидные глаза горели нежным бирюзовым огнем и неодолимо влекли к себе. Чуть припухлые алые губки, изящный носик и маленькая ямочка на подбородке придавали лицу невообразимое очарование. Высокая грудь, тонкая талия, – казалось, ее можно обхватить двумя пальцами... да что там говорить, Корнелия была настоящей красавицей.

Под изящным паллием девушка была одета в короткую белоснежную тунику, которая подчеркивала ее точеную фигурку и открывала стройные ножки, которым могла бы позавидовать сама Венера.

Она ждала его.

– Дорогая моя, – произнес Марк дрожащим голосом. – Мне нужно с тобой поговорить. Пойдем на наше любимое место, на Фибрен.

– Что-то случилось? – с волнением спросила девушка.

– Пойдем, пожалуйста, – повторил он.

Они пошли, взявшись за руки. Корнелия все заглядывала в глаза другу, пытаясь понять, почему он так расстроен. Но Марк молчал.

Они пришли на берег реки, на знакомое место, где они так любили гулять, беседовать и беззаботно купаться. И здесь, при виде их родного места, Марку стало еще больнее.

Стоял август. Заканчивалось лето. И с ним заканчивалась первая детская любовь Цицерона.

– Корнелия, я очень, очень тебя люблю и никогда не забуду, но я с отцом уезжаю в Рим, – печально произнес юноша.

– Что? Что? Я не верю!! Ты бросаешь меня?! Ты предаешь нашу любовь? Ведь мы же собирались пожениться? Как же я буду без тебя? – голос девушки задрожал, по щекам потекли слезы. Цицерон попытался ее обнять, но она оттолкнула его.

– А как же наше с тобой будущее?! Ведь я же тебя люблю, я не могу жить без тебя! Я дышать не могу без тебя, Туллий!!! – И девушка зарыдала, упав на колени. Марк сел рядом на землю, обнял Корнелию и начал дрожащим голосом:

– Корнелия, прости, что я причиняю тебе боль. Я тоже очень тебя люблю, мне тоже безумно больно. Но я хочу быть с тобой честен. Я ведь редко буду приезжать в Арпин, только на праздники – и как мы сможем сохранить наши чувства и любовь на расстоянии? Я очень, очень тебя люблю, но я должен ехать в Рим, прости меня ради всех богов, – дрожащим голосом произнес он. Девушка, рыдая, прижалась к нему и стала осыпать поцелуями такое родное лицо.

– Туллий, ты моя первая любовь, никогда я больше никого так не полюблю, – всхлипывая, повторяла Корнелия.

– И ты – моя первая любовь, – произнес Марк, отвечая на ее поцелуи.

Они обнялись, и долгое время сидели обнявшись. Когда стемнело, они медленно побрели к дому Корнелии.

У самых дверей дома, прощаясь, Корнелия сказала ему:

– Мой любимый, я счастлива и благодарна тебе за все наши годы. Я горда тем, что ты меня любил. Я уверена, что тебя ждет великое будущее: ты достоин его. Иногда в Риме вспоминай нашу любовь, пусть она поддерживает тебя в самые трудные минуты жизни. Но помни: в Арпине есть девушка, которая тебя очень любит.

– Любимая, – произнес растроганный юноша. – Через всю жизнь я пронесу нашу любовь, спасибо тебе за нежность, ласку, тепло... Ты научила меня любить. Я никогда этого не забуду. Никогда. Прими от меня на память маленький сборник стихов, посвященный тебе и нашей любви.

Корнелия взяла рукопись, а слезы текли и текли по ее прекрасному лицу.

Они в последний раз обнялись и расстались... И Цицерон пошел навстречу новой жизни. Жизни, в которой уже не было места для его любимой Корнелии, но где его ждали великие события и потрясающий успех.

Почему так бывает в жизни? Почему, чтобы достичь чего-то, надо жертвовать чем-то очень дорогим для себя? Неужели такова плата за успех?

Часть II. Рим

Глава I. Приветствую тебя, Вечный город!

*Где хорошо, там и отечество.
Марк Туллий Цицерон.*

Поздним вечером 24 августа, за девять дней до сентябрьских календ, несколько повозок семьи Цицеронов с имуществом, рабами и прислугой подъехали к скромному двухэтажному дому на вершине Эсквилинского холма. Справа возвышался храм Изиды¹, а слева внизу раскинулись жилые кварталы. Юпитер на своей огненной колеснице уже почти скрылся за зонтом, но в наступающих сумерках еще можно было увидеть и оценить огромные размеры Вечного города.

Пока слуги и рабы вносили вещи в дом, Цицерон и Квинт побежали наверх и залезли прямо на крышу. Все-таки родом они были из небольшого провинциального городка, и сейчас им хотелось увидеть Великий город во всей его красе.

С крыши дома их взору открылся потрясающий вид на зеленую долину, которая нежно как будто чуть-чуть была окутана легкой и нежной полупрозрачной дымкой – туманом с белокурого Тибра. Эта прекрасная река была главной водной артерией, по ней в Рим доставлялись многие жизненно необходимые товары.

Братья с восхищением смотрели на величественные храмы Юпитера и Юноны на соседнем Капитолийском холме, на Circus Maximus – Большой Цирк, дворцы Патрициев из золотисто-желтого Нумидийского мрамора. Красивейшие парки зеленым сочным узором вплетались во все улицы и кварталы. Красные крыши домов, белые колонны дворцов и зданий, позолоченные купола храмов – эти сочетания цветов придавали неповторимое очарование городу. Огромному мегаполису не было видно ни конца, ни края.

От этой масштабности, красоты и величия – просто захватывало дух.

Да... Рим по праву называли «Великим и Вечным городом».

Марк серьезно посмотрел на Квинта и важно сказал:

– Знаешь, младший брат, настанет день, когда этот город будет у моих ног.

Квинт засмеялся и захлебываясь от смеха проговорил:

– Туллий, ты с детства меня удивлял своим тщеславием и высокопарными фразами. Но сейчас ты меня просто до смерти рассмешил. Я, конечно, понимаю: ты мой старший брат, и я должен тебе верить. Но, ради всех богов, объясни, за счет чего ты хочешь прославиться?

– Квинт, я с детства знал, что добьюсь очень многого. Да, у нас не так много денег и пока еще нет связей. Но поверь, брат: **если есть желание – все это придет**. А желание у меня огромное, я хочу прославить наш род, чтобы никто больше не коверкал нашу фамилию и не называл нас горошинами или сукновалами². К тому же, ты ведь помнишь, как я поклялся над смертным ложем нашей покойной матери.

Брат стал серьезным.

– Ну конечно, Марк, я все это помню. Если честно, меня восхищает твоя целеустремленность. И если ты в это веришь, то поверю и я. Ты же мой брат.

И я обещаю тебе, мой родной Марк: я буду с тобой на этом трудном пути.

– Спасибо Квинт, – растроганно ответил Цицерон.

Братья обнялись и зачарованно продолжили смотреть вглубь этого города, как будто пытаясь понять и отгадать то далекое будущее, которое им уготовили боги.

На другой день, когда ближе к обеду братья проснулись, Диодот, которого они привезли с собой из Арпинума, позвал их в триклиний для позднего завтрака. Отец уже ждал за столом и жестом пригласил детей присоединиться к трапезе.

Завтрак был самым легким приемом пищи у древних римлян. На столе были лепешки из спельты (дикий вид пшеницы), похожие на современный хлеб, на выбор – с солью, сыром и медом. На отдельных тарелках лежали аппетитные оливки и финики. На столе находилась и большая ваза с виноградом, персиками и айвой, и, конечно, любимая братьями сырная смесь с чесноком, маслом, сельдереем и кориандром под названием «моретум» (от названия чашки), которая намазывалась на хлеб.

Только братья собрались намазать эту вкуснейшую смесь на хлеб, отец строго сказал:

– Сначала поешьте пульса. Тебе, Марк, с твоим слабым желудком это особенно необходимо.

Пульсом называлась каша. Вы не поверите, друзья, но она была основным блюдом у всех сословий в древнем Риме – и бедных, и богатых. Пульс готовили чаще всего из спельты с добавлением растительного или сливочного масла. Кашу варили на молоке или на воде, в зависимости от предпочтений семьи. Варвары даже называли римлян «кашеедами» за пристрастие к этому виду пищи.

Рабы принесли каждому из членов семьи по тарелке горячей каши. Марк добавил меда и с наслаждением стал уплетать кашу, зная, что она ко всему прочему очень полезна.

Отец тем временем начал разговор.

– Дорогие мои, мы переехали в Рим, чтобы вы могли получить хорошее образование, которое позволит вам достичь успеха. У меня есть хороший друг, дальний родственник нашей семьи. Он очень известный, грамотный и влиятельный в Риме человек, который и возьмет наставничество над Вами, но об этом более подробно мы поговорим в конце сентября.

– А сейчас я хочу вас обрадовать. Мы с вами идем на празднование Римских игр³, которые будут проходить с 5 по 19 сентября.

– Да здравствует Юпитер! – радостно воскликнул младший брат Цицерона Квинт. Он любил зрелища, в которых нужно было побеждать.

– Отец, а что мы будем смотреть? – спросил Марк, всегда любивший докопаться до сути.

– Мы обязательно пойдем в Цирк и посмотрим ристания⁴. А еще мы сходим на спектакль, где в главной роли играет известный комик Квинт Росций⁵.

– Спасибо, отец, – произнес Марк. Он очень любил сценические представления, где участники декламировали и играли роли. Он понимал, что это пригодится в будущей профессии юриста для достижения успеха.

– А на гладиаторские бои мы разве не пойдем? – расстроился Квинт, предпочитавший более динамичные зрелища, где бойцы могли показать свою ловкость и силу.

– Я не хочу, чтобы вы в таком юном возрасте видели кровь, страдания, смерть – пусть даже рабов, – ответил отец, не любивший насилия. Ну, дети, хорошего вам дня, а я с вашего позволения пойду, напишу очередную главу своей повести.

Завтрак был закончен.

– Пойдем, Марк, поборемся или поиграем в мяч⁶, – предложил Квинт. Младший брат любил спортивные состязания и физкультуру. Он был хотя и моложе, но крепче и коренастее брата, мускулы от постоянных тренировок были как у Геркулеса. – Смотри, какой ты худой – кожа да кости. Так ты совсем не будешь нравиться девушкам, – с улыбкой заметил Квинт.

– Девушки мне не нужны, а мышцы сами нарастут. Лучше пойду и прочитаю трактат Геродота⁷, – молвил Марк и пошел к себе.

Почему люди разные, и то, что нравится одному, совсем не интересно другому?

Так устроен мир.... Так устроены люди...

И спасибо богам за эту закономерность. Как вы думаете, почему?

Примечания.

¹Исида, Изиды – в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности и супружеской верности, богиня мореплавания, дочь Геба и Нут, сестра и супруга Осириса. Исида помогала Осирису цивилизовать Египет; она обучила женщин жать, прясть и ткать, лечить болезни и учредила институт брака. Исида была настолько популярна в Египте, что со временем приобрела черты других богинь. Ее почитали как покровительницу рожениц, определяющую судьбу новорожденных царей. В римское время Исида настолько популярна, что культ Осириса и стала серьезной соперницей при становлении раннего христианства. Калигула, Тит Флавий Веспасиан и др. императоры Рима делали щедрые подношения святилищу Исиды.

²Недоброжелатели рода Цицеронов иногда говорили, что их предки выращивали горох, то есть происходили из низших слоев общества.

³Самым ранним римским гражданским праздником был праздник Римских игр. В течение нескольких столетий это был единственный гражданский праздник римлян. Римские игры длились 14 – 15 дней и проводились в сентябре. Каждое празднество состояло из нескольких отделений: 1) торжественное шествие во главе с магистратом-устроителем игр, называвшееся помпой, 2) непосредственно состязания в цирке, ристания колесниц, конские скачки и т. д., 3) сценические представления в театре пьес греческих и римских авторов. Заканчивались представления обычно пиром, массовым угощением, порой на несколько тысяч столов.

⁴Ристания – скачки на колесницах. В античности ристания были видом спорта, особо культивируемым в среде правящих классов. Возникшие у римлян ристания еще в свой ранний период составили ядро появившихся в 4 в. до н. э. цирковых состязаний. Для того чтобы зрителям было удобнее следить за ходом игр, одежда возниц и повозки окрашивались в различные яркие цвета. Требовавшие огромных денежных затрат ристания служили развлечению римской черни (отсюда выражение «хлеба и зрелищ!»), преследовали скорее политические, нежели спортивные цели.

⁵Квинт Росций (около 130 до н.э – 62 г. до н. э.) – вольноотпущенник, популярный республиканский комедийный актер. Введенная Росцием маска затем укрепилась в римском театре. Содержал собственную школу, у него учился декламации Цицерон. Автор книги о театральном искусстве.

⁶Игра в мяч — любимая игра римских легионеров, впоследствии пошедшая в «народ». Римские легионеры практиковали игру в мяч ногами, надевая для этого специальную обувь – «кольцеус», откуда, как утверждают историки, пошло название игры «кальчо», бывшей комбинацией футбола, регби и свободной борьбы.

⁷Геродот Галикарнасский (др. греч Ἡρόδοτος Ἀλικαρνασσεύς, около 484 до н. э. – около 425 до н. э.) – древнегреческий историк, автор первого полномасштабного исторического трактата – «Истории», – описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов. Труды Геродота имели огромное значение для античной культуры. Цицерон назвал его «отцом истории».

Глава II. Римские ристания. Знак судьбы...

*Существует два рода людей, расходы которых
отличаются неодинаковым блеском:
одни расточительны, другие заслуживают названия щедрых.
Первые расточают свои богатства на празднества, борьбу
гладиаторов, охоту и игры...
Что останется от этого мотовства?
Мимолетное воспоминание, если не полное забвение....
Марк Туллий Цицерон.*

За восемь дней до начала сентябрьских ид¹ и ритуального вбивания гвоздя в правую стену храма Юпитера² 5 сентября 91 года начался один из самых древних праздников Рима – Римские игры, посвященный поклонению Юпитеру, Юноне³ и Минерве⁴. Великие полководцы и политики часто приурочивали этот праздник к очередной победе Рима над врагами, завоеванию провинций или триумфу отличившегося римского главнокомандующего. Устроителем таких игр, как правило, выступал курульный эдил⁵. Часть средств выделялась из государственной казны, но этих денег обычно не хватало, и в большинстве случаев курульный эдил «докладывал» из собственного кармана. Зачем ему это было надо? Все очень просто: для дальнейшей политической карьеры и завоевания популярности у народа необходимо было ублажать плебс.

А в то время все эти игры и празднества были лучшим средством для достижения успеха.

Самым лучшим местом для игр была плоская долина между юго-западным склоном холма Палатин и холмом Авентин. Первые состязания на колесницах здесь начал проводить Тарквиний Приск⁶ в VI веке до н. э., он же и построил для этих целей Большой цирк. Это было грандиозное и внушительное здание, имевшее в длину две тысячи сто восемьдесят и в ширину девятьсот девяносто восемь римских футов; в нем могло поместиться свыше ста сорока тысяч зрителей.

В западной части цирка располагался *оппидум* – сооружение с тринадцатью арками, под средней из которых был главный вход – так называемые Парадные ворота; через них перед началом ристалищ на арену входила процессия, несшая изображения римских богов. Под остальными двенадцатью арками находились конюшни, в которые ставили колесницы и лошадей, когда в цирке проходили бега, а в дни кровопролитных состязаний, любимого зрелища римлян, там находились гладиаторы и дикие звери. От оппидума амфитеатром шли многочисленные ряды ступенек, служивших скамьями для зрителей; ступеньки пересекались лестницами: зрители всходили по ним, чтобы занять свои места. К этим лестницам примыкали другие, по которым народ направлялся к многочисленным выходам из цирка. Вверху ряды оканчивались аркадами, предназначенными для женщин, которые пожелали бы воспользоваться этим портиком.

Против Парадных ворот (на востоке) устроены были Триумфальные ворота, через которые входили победители поединков и великие полководцы, а с правой стороны оппидума были расположены Ворота смерти; через эти мрачные ворота, служащие Цирка при помощи длинных багров убирала с арены, изуродованные и окровавленные тела убитых или умирающих гладиаторов.

На площадке оппидума находились скамьи для высших должностных лиц Великого Рима: консулов⁷, проконсулов⁸, весталок⁹, сенаторов. Все остальные места никогда не распределялись: возможно, они были предназначены для друзей и гостей влиятельных лиц.

По арене между оппидумом и Триумфальными воротами тянулась низкая стена длиной приблизительно в пятьсот футов, именовавшаяся «хребтом» (лат. *spina*); она служила для определения дистанции во время бегов. Ее обегали соревновавшиеся колесницы. На обоих ее концах было несколько столбиков, называемых метами. На середине «хребта» возвышался обелиск Солнца, а по обеим его сторонам расположены были колонны, жертвенники и статуи, в том числе статуи¹⁰ Цереры и Венеры Мурсийской.

Внутри цирка по всей его окружности тянулся *подиум* – парапет высотой в восемнадцать футов. Вдоль него пролегал ров, наполненный водой и огороженный железной решеткой. Все это предназначалось для охраны зрителей от возможного нападения диких зверей, которые рычали и свирепствовали на арене.

Таково было в 91 году до н. э. это потрясающее римское сооружение, предназначенное для зрелищ.

Ранним сентябрьским утром со всех семи холмов, из всех жилых кварталов и улиц «Вечного города» – Священной (Via Sacra), Новой, Длинной, улицы Субура и множества других извилистых и узких улочек люди стекались к цирку. Можно было встретить ремесленников и торговцев, ростовщиков и банкиров, изувеченных стариков гладиаторов и рудариюв, гордых и непобежденных ветеранов римских легионов, женщин из простонародья и роскошно одетых римских матрон, актеров и глашатаев и, конечно, свободных римских граждан без ремесла и образования – этих главных бездельников Римской Республики. В свое время большинство из них по тем или иным причинам лишились своих земельных владений, и государство, дабы избежать народных волнений и заручиться их голосами в народных комициях, взяло их на содержание.

Друзья, вы не поверите, но это факт. Каждый неимущий гражданин Рима имел право на полтора килограмма хлеба в день. Время от времени очередной сенатор, пытаясь добиться должности консула и заручиться поддержкой плебса, просто дарил им деньги!!! Число иждивенцев в Риме в этот период доходило до 200 тысяч!!!

Мировоззрение и отношение к жизни этой праздной толпы заключалось в лозунге «Хлеба и зрелищ!». Все свое время они проводили на площадях, в харчевнях, банях, цирках и амфитеатрах, где развлекались созерцанием конных состязаний, гладиаторских боев и травлей диких зверей, привезенных из экзотических стран.

Римский писатель Аммиан Марцеллин¹¹ с неодобрением отзывался об образе жизни этих людей: «Безделье так въелось в их нравы, что лишь только забрезжит утро желанного дня конных ристаний, как все стремглав мчатся в цирк чуть ли не быстрее самих колесниц, которым предстоит состязаться».

Вот вся эта толпа людей с сияющими и радостными лицами, с весельем и смехом плавно текла, как огромная река, в направлении Цирка. Да... Римляне всегда любили зрелища.

Что же должно было произойти в этот день? Какие состязания ожидали римский народ?

Их ждали ристания – состязания на колесницах. Как правило, в забеге участвовали четыре колесницы (квадриги¹²), каждая управляемая своим наездником. Бег начинался с правой стороны от Парадных ворот и заканчивался с левой, в месте, отмеченном белой линией, после семикратного огибания колесницами арены. Число заездов было разным – от 10 до 12. Каждая скачка длилась не более четверти часа. Приз состоял из венка и известной суммы денег; давались и вторые, и третьи призы.

Для того чтобы зрителям было удобнее следить за ходом игр, одежда возниц и повозки окрашивались в разные яркие цвета.

Огромное значение для победы имела скаковая лошадь. Конские заводы Италии, Греции, Каппадоки и конкурировали между собой, поставляя лучших рысаков в Римскую империю. Потребление и спрос на лошадей были громадны, что приносило крупным заводчикам хоро-

шие доходы. Немало сохранилось мозаик, свидетельствующих о любви к лошадям, интересе к ним и распространенности коннозаводства, в том числе и в римских провинциях.

Каждая хорошая лошадь имела свое имя и даже свою генеалогию; сотни имен сохранились в виде разнообразных памятников, от мозаик и до свинцовых входных билетов – тессер. Лошади – победители на пути в свои конюшни справляли настоящие триумфы.

Если вы спросите меня, бывали ли несчастные случаи во время конских ристаний, то я отвечу честно: да. И это забавляло публику. Колесницы сталкивались друг с другом, опрокидывались, прокатывались своими колесами по рукам и ногам бедных возниц, звучали хруст ломающихся костей, крики, стоны – и это вызывало визг и смех зрителей.

Почему люди так кровожадны и часто радуются чужой боли и несчастью? Неужели это заложено природой?

Но, вернемся к нашему повествованию. Приветливо светило еще теплое сентябрьское солнце, лучи которого освещали патрицианские дворцы из белого мрамора, огромные инсулы¹³ для рядовых граждан Рима, храмы и Капитолий. Отец с сыновьями подходили к цирку. Стоял невообразимый гул, как будто спящий Везувий собрался извергнуться на Рим (забегая вперед, отметим, что в 79 г. нашей эры он стер с лица земли город Помпеи).

в цирке находилось более 140 тысяч человек!!! Юный Цицерон смотрел на это огромное скопление народа и представлял, как бы он мог выступить перед такой гигантской аудиторией. От этих мыслей его отвлек нетерпеливый брат Квинт, зовя пойти за отцом, который, дав несколько сестерциев одному бездельнику, спешил занять хорошие места чуть ниже мест сенаторов и консулов, откуда открывался прекрасный вид на всю арену.

Отец с сыновьями сели на скамьи, и братья с жадным любопытством стали рассматривать окружающую публику. Квинт в основном глазел на красивых матрон и пытался строить им глазки, а Марка больше занимал верхний ряд оппидума, где сидела верхушка римской знати. Римские матроны с пышными прическами гордо восседали, разодетые в белоснежные столы¹⁴ и дорогие паллы¹⁵, усыпанные золотом и драгоценными камнями. Сзади каждой из матрон стоял раб с зонтом, прикрывая свою госпожу от начинающегося зноя: ведь у знатной матроны кожа должна была быть цвета белоснежного мрамора. В то время загорать и принимать солнечные ванны считалось дурным тоном для аристократок. Мужчины, одетые в роскошные сенаторские тоги, тоже напoмаженные и надушенные, полусидели, полулежали. На лицах последних «сильных мира сего» застыла легкая тень небрежности, пресыщенности и скуки.

«Я обязательно стану известным и богатым. И все эти патриции, и богачи будут прислушиваться еще к моему мнению», – уверенно думал про себя, глядя на верхние ряды цирка, юный Цицерон.

Чуть опустив глаза, он увидел, как простые рядовые граждане разворачивают свои свертки и с удовольствием уплетают домашние яства, от которых у них просыпается жажда. Не мешкая, они подзывают к себе неумоимо снующих торговцев, покупают у них вино, кто Тускульское, кто Сицилийское, в зависимости от размеров своего кошелька, и с удовольствием поглощают этот напиток богов, становясь, отчего все веселее и развязнее. Повсюду внизу звучат смех и шутки.

А представление между тем все не начиналось и не начиналось – ждали консулов Рима. Толпа потихоньку стала нетерпеливо и рассерженно гудеть.

Ну, наконец-то! Слава Юпитеру! В парадных воротах появились ликторы, одетые в темные тоги и вооруженные фасциями – перевязанными кожаными ремнями пучками прутьев из вязового дерева, которые они несли на плечах. Это были должностные лица – «свита» высшего сановника, консула. Ликторы представляли собой атрибут консульской власти. Консулу их полагалось аж целых двенадцать: они гордо шествовали по арене, напоминая всем, какие важные персоны идут следом.

За ними шли, дружелюбно беседуя и смеясь, два римских консула 91 года. С Вашего позволения немного остановлюсь на описании каждого.

Одного звали Луций Марций Филипп. Он был из древнего рода Марциев. Прекрасный политик и очень остроумный и изобретательный оратор. Одет он был в красивую белую тогу с широкой пурпурной каймой, олицетворяющей собой консульскую власть. На ногах у него были *Calceus senatorius* – высокие башмаки, доходившие до половины ноги, из красной мягкой кожи с четырьмя ремешками. Его коренастая фигура олицетворяла собой прекрасное здоровье и говорила о том, что в прошлом он был хороший атлет. Высокий лоб, живые выразительные глаза, широкие скулы – перед нами был настоящий мужчина, умный, сильный и проницательный.

Он с упоением и с энергичной жестикуляцией что-то рассказывал своему собеседнику Сексту Юлию Цезарю – второму консулу, происходившему из знатного патрицианского рода Юлиев. Это был прекрасный военачальник и очень смелый человек. Он был худощав, значительно выше Филиппа и достаточно сдержан в поведении. На шутки консула он лишь скупой улыбался. Одет он был также в белую тогу, но поверх ее носил Палудаментум (лат. *paludamentum*) – длинный воинский плащ из ярко-красного шелка. На ногах у него были высокие сандалии из дорогой кожи.

Степенно и не спеша они прошли к своим местам на оппидуме, где находились скамьи для высших должностных лиц. Вся знать немедленно поднялась и уважительно приветствовала их. Некоторые отличались особым подобострастием, а иные здоровались сдержанно, видимо, не являясь их приверженцами. Среди приветствующих были очень известные и богатые люди Рима: Квинт Лукреций Офелла, Квинт Сервилий Сципион Младший, Марк Лициний Красс (подробнее о них чуть позже, так как они станут главными действующими лицами этих ристаний).

Филипп как более энергичный поднял руку, сделав этим знак курульному эдилу, разрешая начать ристания.

Как правило, первые заезды шли «на разогрев»: в них участвовали малоизвестные, молодые и неопытные лошади и наездники. Тем не менее, толпе, подогретой вином и азартом, все это безумно нравилось. Восторженные крики, свист, вздохи разочарования, конское ржанье, злая ругань возниц, скрежет опрокидывающихся колесниц, крики победителей – все смешалось и представляло собой дику в вакханалию.

Но, юный Цицерон начал уже уставать от этого действа. В среднем заезд длился четверть часа, а прошло уже одиннадцать заездов, что заняло почти три часа. Все ждали последнего заезда, в том числе и Цицерон, так как в нем была основная интрига. Соревновались четыре колесницы с прекрасными наездниками и великолепными лошадьми. Интрига же была в том, что колесницы принадлежали богатым и уважаемым гражданам Рима, каждый из которых рассчитывал на победу.

Первая колесница принадлежала Квинту Лукрецию Офелле из древнейшего рода Лукрециев. А какой же у него был великолепный итальянский трехлетний жеребец! С красивым именем Помпей в честь любимого города хозяина. Знатки лошадей пророчили ему большое будущее. Он был лидером среди других трех лошадей.

Хозяином второй квадриги был сам Квинт Сервилий Сципион Младший – претор из знатного патрицианского рода Сервилиев. Он выставил на ристания отличную колесницу во главе, которой находился очень выносливый пятилетний гнедой испанский жеребец со странным именем Ангел. Почему странным? О... потому, что это имя никак ему не подходило. Бешеный и беспокойный нрав, упрямство и неповиновение – вот его основные черты. Он мог ни с того ни с сего взять и укунить за круп соседнего жеребца, просто так, из озорства. Но ему все прощали, так как колесница часто выигрывала ристания.

Марк Лициний Красс, как утверждали злые языки, самый богатый человек Рима, из старого рода Лициниев, выставил на эти ристания африканскую квадригу с резвым африканским скакуном по имени Триумф, который до этого уже не раз выигрывал скачки в африканских колониях Рима. Красс привез скакунов на сентябрьские Римские игры, чтобы доказать Сервилию Сципиону Младшему, что его лошади самые лучшие и быстрые во всей Римской Империи. Они друг друга недолюбливали, как это часто бывает меж двух ярких личностей, лидеров от природы.

Ну, а последняя колесница с белоснежными жеребцами из Греции, с виду ничем не примечательными и ни разу не выигравшими ристания, принадлежала консулу Сексту Юлию Цезарю, страстному любителю лошадей. Лидером в этой квадриге была лошадь по кличке Пегас.

Итак, фаворитом этого последнего заезда считалась квадрига с Триумфом. Знать между собой делала ставки, среди бедных граждан сновали торговцы и также предлагали им поставить на ту или иную лошадь. Одним словом, ажиотаж был создан, интерес публики был доведен до предела. В воздухе повисло томительное ожидание – все ждали начала состязания.

Юный Цицерон про себя решил загадать, что если победит колесница с Пегасом, принадлежащая консулу Сексту Юлию Цезарю, то в будущем он сам обязательно станет консулом Рима.

К каждому из четырех возниц (это были вольноотпущенники или рабы), стоявших в своем отсеке с маленькими воротами, подошел служащий цирка, и они вытянули жребий, чтобы определить место, с которого будут стартовать. Самым лучшим местом было крайнее левое к центру, наиболее безопасное и дававшее возможность быстро оторваться от преследователей. Квадригам надо было проехать примерно пять римских миль по кругу (одна миля = 1478,8 м). Возницы управляли лошадьми, стоя на колеснице сзади, вожжи закреплялись на поясе возницы, поэтому при падении нередко были смертельные случаи. Зато победитель становился всеобщим героем и получал громадное вознаграждение, которое порой превосходило годовую зарплату хорошего римского адвоката.

Итак, места согласно жребию перед стартом распределились следующим образом:

Самое хорошее место – крайнее левое – досталось Триумфу, жеребцу Красса.

«Несчастливое» и опасное крайнее правое – Пегасу, лошади Консула Секста.

«Да, – подумал Марк, – шансы, что я стану консулом, невелики».

Консул Секст Юлий Цезарь встал и взмахнул белым платком, давая разрешение на начало последнего заезда.

И скачка началась!

Открылись ворота, и колесницы рванулись навстречу Фортуне под визг, крик и свист беснующихся трибун.

Первый круг лошади прошли довольно ровно, практически на тех же позициях, что и в начале старта. Но на втором круге произошло непредвиденное. Квадрига с Помпеем, молодым и неугомонным итальянским жеребцом, опередила фаворита гонки Триумфа на несколько римских футов и побежала по крайней левой дорожке к центру. Что тут началось! Публика неистовствовала и негодовала, особенно те, кто сделал ставку на Триумфа. Квинт Лукреций Офелла победоносно посмотрел на своих соперников, в ответ Марк Лициний Красс усмехнулся, зная, что его лошади, как правило, показывают свою прыть под конец гонки.

А что же наш герой? Он сидел, вцепившись руками в скамью, и жадным взглядом следил за развитием событий. Его брат и отец поставили на Триумфа, уверенные в его победе.

Как и предвидел Марк Красс, после третьего круга колесница с Помпеем выдохлась и, хотя возница с иступлением хлестал бедных лошадей по крупу, квадрига постепенно сдала свои позиции и уже плелась в хвосте гонки. Вот она, молодость, отсутствие опыта и умения распределить свои силы.

Начался пятый круг. О, боги! Что творилось в Цирке! Публика просто обезумела! Большинство римлян страстно хотело победы Триумфа и яростно за него болело. Все повскакали со своих мест, мужчины размахивали руками, простолюдинки срывали с себя верхнюю часть туники, обнажая грудь. Зачем? Не знаю. Может, в порыве азарта, а может, они этим рассчитывали заставить возниц более рьяно подстегивать своих лошадей? О, боги!!! Что творилось!!! Что творилось!!! Атмосфера в цирке накалилась до предела. В радиусе одного метра невозможно было даже расслышать голос соседа.

Практически состязание сейчас шло между двумя квадригами, которые шли вровень, возглавляемые своими лидерами: между опытным Триумфом, хозяином которого был Марк Красс, и Ангелом, принадлежащим Квинту Сервилию Сципиону Младшему. Колесница с Помпеем плелась последней, отстав на целых полкруга, ну а третьим шла квадрига с Пегасом, принадлежащая Консулу Сексту Юлию Цезарю.

Время от времени колесницы то Триумфа, то Ангела вырывались на полкорпуса вперед, но ненадолго, бедные животные, яростно подстегиваемые своими возницами, догоняли своих оппонентов, и опять наступало равенство. Лошади были все в мыле. Из рта шла пена, мышцы каждой превратились в стальные канаты и «забились» от неимоверного напряжения. Не лучше выглядели и возницы. Красные от напряжения лица, потоком струящийся из-под шлема пот, руки до предела устали от постоянных ударов по крупу своих лошадей. Да... Смертельная усталость... Силы на пределе... Дыхание стало прерывистым и тяжелым... Стоп! Все это меркнет! Не имеет значения!!! Когда каждый возница знает, какая награда ждет его за победу. Огромная сумма денег! Можно будет купить свой дом или открыть маленькую лавку. А если проигрывает,... то могут и казнить. Вот что стояло на кону этой, казалось бы, обычной скачки...

Начался последний, седьмой круг. В расстановке сил ничего не изменилось. Колесницы с Триумфом и Ангелом наравне, третья с Пегасом, последняя с Помпеем. Марк сидел бледнее белого Нумидийского мрамора и спрашивал себя: «О, Фортуна, зачем я загадал, что стану Консулом, если победит Пегас? Зачем?! Зачем?! Я поставил на кон свою политическую карьеру. Зачем я так рисковал??? О, Боги, какая глупость...»

– НЕТ, не глупость! – взяв себя в руки, тихо произнес он и добавил про себя: «Я уверен, Фортуна должна улыбнуться мне». В это время не меньше переживали и отец с братом Квинтом: яростно крича, они поддерживали квадригу с Триумфом.

– Сын, а как ты считаешь, кто победит? – обернувшись, спросил Марка отец, видя, что тот никак не реагирует на происходящее.

– Отец, я поставил на квадригу с Пегасом, – спокойно ответил Марк.

– Это ты зря. Колесница с Пегасом никогда еще ничего не выигрывала, и по физическим данным она явно уступает и Триумфу, и Ангелу.

– Я это знаю. **Отец, все когда-то бывает в первый раз.** И история тому свидетельство. Вспомни, как была захвачена неприступная и непобедимая Троя, – ответил сын.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением произнес отец. – Дело твое. – И, отвернувшись, вновь увлеченно стал подбадривать колесницу с Триумфом.

Уверенность и целеустремленность были отличительными чертами характера Цицерона. А как у Вас, дорогой читатель?

Тем временем вверху, на оппидуме Марк Лициний Красс и Сервилий Сципион, главные конкуренты, изображали безучастность и хладнокровие, хотя все это было явно напускное. У Марка из кулака, в котором было зажато яблоко, медленно и неукротимо потекла струйка сока, предательски выдавая напряжение. Сервилий так прикусил нижнюю губу, что вот-вот должна была побежать алая кровь. Да... Никто не хотел поражения. Каждый мечтал победить...

Фортуна – богиня удачи. Кому-то она улыбнется в этот раз? Триумфу или Ангелу? *Поистине: люди предполагают, а боги располагают...*

Когда до финишной белой черты осталась всего половина римской мили (или полкруга), произошло то, чего никто не ожидал.

Ангел, этот бесноватый и непредсказуемый жеребец, то ли устал от постоянного близкого присутствия рядом с собой Триумфа, то ли ему просто надоела гонка, не знаю. Мотивы этой лошади остались тайной. Но факт есть факт. С жуткой злостью он кусает за круп несущегося впереди на полметра Триумфа, тот от боли взвизгивает и чуть замедляет бег, сдерживая тем самым движения и остальных лошадей. Возница Триумфа, видя все это, в отместку со всей силы хлещет Ангела плетью. Теперь настала пора возницы Ангела, он в ответ хлещет плетью возницу Триумфа, одновременно пытаясь сдернуть соперника с колесницы – и все это на огромной скорости. Толпа замерла, понимая: сейчас случится что-то страшное. И точно: из-за обоюдных ударов возницы чуть отвлеклись и не заметили, как колеса их колесниц сблизились и столкнулись. Скрежет, грохот, ржание лошадей, ругань, колесницы падают на бок, увлекая за собой наездников. Одна из колесниц насмерть придавливает своими колесами возницу Триумфа, другая ломает ребра второму, стоны, визг толпы, крики ужаса, запах крови – все смешалось. Да... то еще было зрелище...

А что же происходило в этот момент с остальными участниками ристания?

Отставшая буквально на три корпуса квадрига с Пегасом благополучно успевает объехать упавшие колесницы и начинает приближаться к финишу. Сзади, отстав почти на круг, идет колесница с Помпеем.

Увидев это, толпа сначала обомлела, а потом начала неистово аплодировать и свистеть, наплевав даже на проигранные деньги. Да... римляне всегда любили победителей.

А как Вы думаете, что происходило с чувствами и эмоциями тех, кто поставил на Пегаса? Сказать, что они были счастливы – значит, ничего не сказать. Представьте, дорогой читатель: Вам сказали, что Вы выиграли сто миллионов долларов! Представили? Нет, правда, представили??? Каковы Ваши чувства, эмоции?

Напишите!

Вот именно такие же чувства испытывали те немногочисленные римские граждане, которые ради смеха решили поставить на колесницу с Пегасом. О... слава Юпитеру!!!

Еще секунда, и... Пегас – первый!!! Он победил!!! Крик трибун. Нет! РЕВ ТРИБУН!!!

Зрители кидают на арену деньги, лавровые венки, атрибуты одежды.

Кто-то обнимается, кто-то плачет, кто-то ликует. Эти такие разные эмоции – вечные спутники любого состязания.

Возница – победитель, стоя на колеснице, совершает круг почета по арене, останавливается напротив оппидума, где находится его хозяин Консул Секст Юлий Цезарь и делает ему поклон. Консул встает и аплодирует ему стоя, после чего возница в предвкушении заслуженной награды уезжает через Триумфальные ворота в конюшни.

– Ну, что, сенаторы? – улыбнувшись и обращаясь к ним, произносит Секст. – Как Вам моя колесница во главе с Пегасом?

– Да, сегодня Фортуна явно была на твоей стороне, – выдавил из себя Марк Красс, не привыкший проигрывать, и, быстро попрощавшись, покинул Цирк. Все остальные «сильные мира сего» подошли и поздравили довольного консула.

А тем временем чуть ниже оппидума молодой Цицерон сидел на скамье потрясенный и просто молчал. У него не был ни сил, ни эмоций. Он был весь выжат. Хотя он и демонстрировал свою уверенность близким, ему, как любому смертному, конечно, были свойственны сомнения и переживания. Для него это была не просто победа в ристаниях квадриги с лидером по кличке Пегас. *Для него это был знак богов.* Сами боги хотят, чтобы он стал консулом, сама Фортуна ему благоволит.

После этих ристаний, идя домой с родными, восхищенными его прозорливостью, пятнадцатилетний Марк был полон уверенности в своем великом будущем, будущем, которое прославит его на века и тысячелетия.

Знаки нашего предназначения встречаются каждому из нас на протяжении всего жизненного пути, надо только суметь их разглядеть и следовать им, и тогда каждого из нас ждет счастливая и успешная жизнь...

Примечания.

¹Иды. Обозначение римлянами чисел месяца основывалось на выделении в нем трех главных дней, связанных первоначально со сменой фаз луны: 1-й день каждого месяца – календы (*Kalendae* или *Calendae*, сокр. *Kal.*, *Cal.*); первоначально первый день новолуния, о котором возвещает верховный жрец (от лат. глагола *calare* – созывать, в данном случае для возвещения о новолунии). 13-й или 15-й день месяца – иды (*Idus*, сокр. *Id.*); первоначально в лунном месяце середина месяца, день полнолуния (по этимологии римского ученого Варрона – от этрусского *idiare* – делить). 5-й или 7-й день месяца – ноны (*Nonae*, сокр. *Non.*), день первой четверти луны (от порядкового числительного *nonus* – девятый, 9-й день перед идами, считая день нон и ид).

В марте, мае, июле, октябре иды приходились на 15-е, ноны на 7-е число, а в остальные месяцы – иды на 13-е, а ноны на 5-е число. В истории известны, например, мартовские иды – 15 марта 44 до н. э., день убийства Юлия Цезаря. Дни, непосредственно предшествующие календам, нонам или идам, обозначались словом *pridie* – накануне (в вин. падеже): *pridie Idus Decembres* – накануне декабрьских ид, т. е. 12 декабря. Остальные дни обозначались посредством указания количества дней, оставшихся до ближайшего главного дня; при этом в счет входили также день, который обозначался, и ближайший главный день.

²Ежегодно в сентябрьские иды в правую стену храма Юпитера вбивался гвоздь; так отмечалось начало года.

³Юнона – древнеримская богиня, супруга Юпитера, богиня брака и рождения, материнства, женщин и женской производительной силы. Она прежде всего покровительница браков, охранительница семьи и семейных постановлений. Иногда ее называли и Луциной.

⁴Минерва – соответствующая греческой Афине Палладе, – в римской мифологии богиня мудрости. Особенно почитали ее этруски как молниеносную богиню гор и полезных открытий и изобретений. И в Риме в древнейшие времена Минерва считалась богиней молниеносящей и воинственной, на что указывают гладиаторские игры, обязательно проводившиеся во время главного праздника в ее честь – Квинкватрии.

⁵Курульный эдил – выборное должностное лицо в Риме. Курульные эдилы носили тогу с пурпурной каймой, другие знаки почета, на которые они имели право, – курульное кресло и маски предков. Четыре эдила отвечали за ремонт храмов и общественных зданий, за состояние дорог и движение в городе, общественную нравственность (они могли налагать штраф), раздачу зерна и праздничные игры. Курульные эдилы устраивали Мегалезийские и Римские игры, а плебейские эдилы – Плебейские игры и, по всей вероятности, также праздники Цереры и Флоры. Хотя должность эдила не была обязательной для карьеры начинающего политика, она давала возможность заявить о себе народу богатыми играми, сопряженными с даровым угощением и раздачей подарков. Поэтому, чтобы ее занять, следовало обладать немалыми средствами.

⁶Луций Тарквиний Приск – пятый царь Древнего Рима. Правил с 616 по 579 до н. э. Луцием Тарквинием Сенат был увеличен до 200 человек за счет новых

членов из бедных родов. Среди них были Октавии. При нем был построен Храм Юпитера Капитолийского, отведено место под Римский форум. Луций Тарквиний, по легенде, для отвода сточных вод построил римскую канализацию – Большую Клоаку. Им же было построено здание Большого Цирка для проведения регулярных скачек и празднеств.

⁷Консул – высшая выборная должность в эпоху республики в Древнем Риме. Должность консула была коллегиальной, то есть консулов было сразу двое, избирались они на один год в цензуриатных комициях. Коллегия двух консулов была учреждена, согласно античной традиции, после изгнания царя Тарквиния Гордого. Консулы обладали высшей гражданской и военной властью, набирали легионы и возглавляли их, созывали сенат и комиции, председательствовали в них, назначали диктаторов. В чрезвычайных обстоятельствах сенат наделял консулов неограниченными полномочиями. Знаками отличия консула являлись тога с широкой пурпурной каймой, курульное кресло (лат. *Sella curulis*), инкрустированное слоновой костью, и сопровождение 12 ликторов с фасциями, в которые за городской чертой вкладывались топоры. В римской системе летосчисления годы обозначались именами консулов данного года (они именовались лат. *CONSULES ORDINARII*). По законам республики, минимальный возраст консула составлял 41 (для патриция) и 42 года (для плебея). Но допускались исключения: Помпей впервые стал консулом в 27 лет. По окончании срока должности консулы получали в управление какую-либо провинцию и звание проконсула.

⁸Проконсул – государственная должность в Древнем Риме периодов республики и империи. Проконсулы обладали властью консулов (часто только на ограниченной территории), но, в отличие от консулов, не избирались на эту должность собранием по центуриям (лат. *comitia centuriata*). Впервые эту должность учредили для Клавдия Марцелла, которому во время Второй Пунической войны по истечении его консульских полномочий было сохранено положение главнокомандующего. Впоследствии основной ролью проконсулов было управление провинциями. В зависимости от статуса провинции, она могла управляться также промагистратом более низкого ранга – пропретором. Проконсулы, управляющие провинциями, назначались на должность Сенатом из числа бывших консулов. Обычно срок полномочий проконсула, управляющего провинцией, составлял один год, но иногда полномочия продлевались. Гай Юлий Цезарь был проконсулом Цизальпийской Галлии в период с 58 по 48 г. до н. э. Марк Лициний Красс был проконсулом Сирии в период с 55 г. до н. э. до своей смерти в 53 г. до н. э. Гней Помпей Великий был проконсулом Испании в период с 55 по 50 г. до н. э.

⁹Весталки – жрицы богини Весты в Древнем Риме, пользовавшиеся большим уважением и почетом. Их особа была неприкосновенной (поэтому многие отдавали им на хранение свои завещания и другие документы). Весталки освобождались от отцовской власти, имели право владеть собственностью и распоряжаться ею по своему усмотрению. Оскорбивший каким-либо образом весталку, например, попытавшийся проскользнуть под ее носилками, карался смертью. Впереди весталки шел ликтор, при определенных условиях весталки имели право выезжать в колесницах. В обязанности весталок входило поддержание священного огня в храме Весты, соблюдение чистоты храма, совершение жертвоприношений Весте и пенатам, охрана палладиума и других святынь.

¹⁰Церера – древнеримская богиня, вторая дочь Сатурна и Реи. Ее изображали прекрасной матроной с фруктами в руках, ибо она считалась покровительницей урожая и плодородия.

¹¹Аммиан Марцеллин – древнеримский историк. Участвовал в войнах Рима с персами в середине IV века, также служил в западной части Империи. По происхождению сирийский грек, однако свое единственное произведение, «Деяния», написал на латыни. Сохранившаяся часть исторического труда (книги XIV – XXXI) охватывает период 353 – 378 годов. Аммиана Марцеллина иногда характеризуют как последнего крупного римского или вообще античного историка.

¹²Квадрига – античная двухколёсная колесница с четырьмя запряжёнными конями. Часто использовалась в Древнем Риме в гонках или в триумфальных шествиях. Сохранилось немало изображений, барельефов и статуй с квадригами.

¹³Инсула – в архитектуре Древнего Рима – многоэтажный жилой дом с комнатами и квартирами, предназначенными для сдачи внаем. Инсулы появились не ранее III века до н. э. Верхние этажи инсул занимали в основном бедняки, более зажиточные слои населения снимали более комфортабельные квартиры на первых этажах с водоснабжением. Большинство квартир в инсулах были неотапливаемыми, малоосвещёнными, в них отсутствовали водоснабжение и канализация.

¹⁴Стола являлась особой формой женской туники с короткими рукавами, широкая и со множеством складок, доходившая до щиколоток, внизу которой пришивалась пурпурная лента или оборка. На талии стола повязывалась поясом. Такую одежду носили матроны из высшего общества и не смели надевать ни отпущенницы, ни женщины легкого поведения, ни рабыни.

¹⁵Палла – древнеримское женское одеяние, имевшее форму квадратного или продолговатого четырехугольного пледа, иногда с вышивкой. Палла в то время была верхней одеждой для выходов в свет. Один конец паллы набрасывали на левое плечо, средней частью обертывали спину, а другой конец или перебрасывали через правое плечо, или просовывали сзади через правую руку, оставляя ее свободной, причем самый конец спускался с левой кисти к ногам. В дурную погоду или при жертвоприношениях закутывались в Паллу с головой. Как верхняя одежда, Палла была для женщин то же, что тога для мужчин.

Глава III. В чем секрет Квинта Росция?

*Все мы увлекаемся любовью к славе,
и самые достойные люди
наиболее ею проникнуты....*

Марк Туллий Цицерон.

На другой день, когда Цицероны завтракали поздним утром в триклинии, отец произнес:

– Ну, что, Марк, сегодняшний день понравится больше тебе, чем Квинту.

– А почему? – спросил младший.

– А потому, мой дорогой брат, – ответил Марк, с наслаждением уплетая пульс, – что сегодня мы идем в театр смотреть комедию Плавта¹ «Псевдол». А знаешь, кто в главной роли?

– Не знаю и знать не хочу, наверное, какой-нибудь вольноотпущенник или раб, – вытирая губы после моретума, произнес Квинт. Он больше любил спортивные состязания.

– Зря ты так, сын. Если ты собираешься, как твой брат, стать судебным оратором, тебе будет полезно поучиться актерскому мастерству у своего тезки Квинта Росция. А знаете легенду об ужасном событии в детстве этого актера?

– Нет, – ответил Марк. – Расскажи, расскажи, очень интересно.

– Однажды глубокой и темной ночью, такой темной, как будто сам Аид распахнул свои ворота, няня малыша подошла к его кровати и отшатнулась в безумном страхе. Все тело мальчика обвила огромная змея, похожая на задушенную Геркулесом гидру. Сиделка стала истошно звать на помощь. Домашние прибежали и с большим трудом освободили ребенка. Слава богине Салюс², змея не была ядовитой, и мальчик остался цел и невредим.

На другое утро отец Росция обратился за объяснением этого ужасного события к гаруспи-кам³, которые с уверенностью ответили:

– Радуйся! Твой сын станет свободным и превзойдет всех славой и благородством. Его имя войдет в века.

Отец упал на колени и, воздев руки к небу, воскликнул:

– Спасибо тебе, Юпитер, повелитель всех богов!

– Как интересно! – в волнении произнес Марк. – Отец, а помнишь, ты мне рассказывал, что и нашей сиделке было видение перед моим рождением. Да?

– Верно, сын. В этом вы с Росцием похожи.

– А я не верю во всю эту чепуху, – насмешливо сказал Квинт.

– Верить или не верить – дело твое. Но посмотреть на игру этого великолепного комедийного актера ты должен. Его артистичная жестикуляция, мимика, речь и искусство перевоплощения завоевали много поклонников в Риме. Он был рабом, и ему даровали свободу. Более того, он открыл свою актерскую школу, которая славится на весь Рим. Как видишь, предсказания гаруспиков уже сбылись. Ладно, хватит рассказывать. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Собирайтесь, дети, через час выходим, – сказал отец и вышел из триклиния.

Юный Цицерон с радостью пошел облачаться в праздничную белую тогу; это же пришлось сделать и Квинту.

Во время описанных событий здания театра как такового в Риме не существовало. Его гораздо позже, точнее, в 55 году до н.э. построит великий Гней Помпей, но сейчас сценическое представление должно было состояться на главной площади города под названием форум. Форум был сердцем Рима. Он находился между Палатинским и Капитолийским холмами и со всех сторон был окружен общественными зданиями: непосредственно на него выходило здание Сената, с форума был прекрасно виден храм Юпитера Капитолийского.

Все улицы как маленькие сосуды стекались к сердцу города. На этой площади вершились великие дела. Бывало, здесь даже народ свергал диктаторов. Это была своеобразная политическая арена, где простой народ мог отвоевывать свои права с помощью своих народных трибунов. А иногда и сенаторы, не согласные с решениями сената, выходили к народу и, выступая с публичными речами, именно на форуме достигали своих целей. Проходила здесь и коммерческая жизнь: шла бойкая торговля, заключались сделки, велись переговоры. Влюбленные горожане, молодые и не очень, назначали в этом месте свидания. Одним словом, это действительно было сердце Вечного города.

И, конечно, для сценических выступлений лучше места было не найти.

Для представлений воздвигался деревянный помост высотой примерно в половину человеческого роста. На сценическую площадку вела узкая лесенка в 4—5 ступенек, по которой актеры поднимались на сцену. Декорациями к спектаклям почти всегда служила городская улица с выходящими на нее фасадами двух-трех домов. Все действие разворачивалось перед домом в сопровождении флейты, излюбленного инструмента римлян. Постоянных сидений не было. Изнеженные сенаторы и матроны приходили на представления со своими креслами, расставляемыми у самой сцены, а иногда и на самой сцене, но с какого-либо края, дабы не мешать актерам. А все остальные – простые смертные – смотрели представление стоя. После спектакля импровизированная сцена разбиралась, и площадь приобретала обычный вид.

Представление для римских граждан было бесплатным, входных билетов не было.

Кто же организовывал и оплачивал все это мероприятие? Организовывал как всегда эдил и даже получал определенную сумму из казны на это представление, но в большинстве случаев в погоне за популярностью у народа эдил тратил свои личные деньги на роскошные, дорогие костюмы для актеров и декорации.

На тот период в Риме самыми популярными актерами были трагик Эзоп⁴ и комедийный актер Квинт Росций.

С вашего позволения, немного о Квинте. Он был прекрасно сложен и высок, обладал потрясающей пластикой. Росций достиг своего физического и актерского расцвета: ему исполнился 41 год. Черные как смоль волосы, выразительно-притягательные глаза, четко очерченные губы, прямой нос с небольшой горбинкой – все это уже свело с ума от любви не одну матрону Рима.

Квинт всегда очень серьезно готовился к спектаклю. Наизусть зубрил свою роль. Но еще более тщательно готовил свои знаменитые жесты. Он их придумывал, а после проверял на своих близких или учениках, насколько они хороши. Только после этого Квинт применял их во время представления. Особенно актер любил копировать известных людей Рима, придавая себе портретное сходство с ними и показывая их на сцене, чем доводил зрителей до гомерического хохота.

Этот день в Риме обещал быть жарким. Казалось, солнце своими лучами хочет расплавить все, что не успело спрятаться от палящего зноя.

Отец с сыновьями спустились с Эсквилинского холма и слились с массой римлян, которые, как и они, торопились к форуму на сценическое представление. Торговцы и вольноотпущенники, величавые матроны в паланкинах и простые домохозяйки, суровые ветераны римских побед, рудирии⁵ и знатные сенаторы... Кто-то был уже пьян (ведь Римские игры длились несколько дней, и каждый день народу предлагалась бесплатная выпивка и угощение), кто-то ссорился, кто-то шел в обнимку – все как всегда.

Марк уже начал привыкать к этой бурлящей жизни, такой стремительной и активной после размеренного и сонного Арпинума. Иногда он вспоминал Корнелию, и его сердце сладко и больно сжималось: все-таки это была его первая любовь. Вдруг он получил резкий удар локтем в бок. Это раб расчищал место для прохода какой-то важной персоны, сидевшей в палан-

кине⁶, который несли восемь крепких рабов. Этот толчок заставил юного Цицерона очнуться от воспоминаний. Он смахнул с себя эти мысли и догнал отца с братом, опередивших его на несколько шагов.

Через Триумфальную арку, построенную в 121 г. до н. э. Квинтом Фабием Максимом Аллоброгским, они вошли на форум. Было такое ощущение, что перед тобой бурлящий океан, – так много было желающих увидеть игру Квинта Росция. Стоял такой гул, что трудно было услышать не только ближайшего соседа, но и себя самого.

– Пойдем ближе к сцене! – прокричал в самое ухо Марку отец. И они с Квинтом начали пробираться вслед за главой семьи, который, как Геркулес, расталкивал локтями публику направо и налево.

У самой сцены уже сидели знатные граждане Рима (им места, как правило, занимали и держали бездельники или их клиенты, которые готовы были прийти хоть на рассвете, лишь бы после своей услуги получить несколько сестерциев на развлечения и выпивку). Актёров на сцене еще не было, и матроны, одетые в дорогие столы и паллы, в раздражении заставляли рабов сильнее обмахивать их веерами от начинающегося зноя. Патриции и сенаторы не спеша обменивались мнениями по тому или иному вопросу, изображая аристократическую утонченность и скуку в поведении. Все ждали начала представления.

Цицерон уже подумал, что они так и останутся стоя смотреть выступление, как вдруг один из знатных римлян, увидев отца, обнял его и предложил присоединиться к нему, благо около него у самой сцены стояли три свободных кресла, которые он держал для своих друзей. Это был Квинт Муций Сцевола – их дальний родственник по материнской линии, пятидесятилетний мужчина с выразительным и умным лицом. Его фигура в силу лет уже утратила юношескую стройность, но в движениях еще чувствовалась большая энергия.

– Вот, Квинт, позволь представить тебе моих сыновей, – сказал отец. Старший – Марк Туллий Цицерон, по его словам, будущий консул Рима.

– Консул? – улыбнувшись, произнес Муций и обнял Марка, потом чуть отстранил его от себя, чтобы лучше рассмотреть, и добавил:

– Тебе придется много работать, мой юный друг, а ты к этому готов?

– Я об этом мечтаю. Я сделаю все, чтобы прославить наш род, – запальчиво произнес юный Цицерон.

Все рассмеялись.

– Ну, ну, – промолвил Муций. – А кто этот крепкий юноша?

– Это мой младший, твой тезка – Квинт.

Муций обнял и второго.

– Позволь нам со старшим сыном прийти к тебе переговорить об одном важном деле.

– Конечно, сразу после окончания Римских игр приходите в любой день, мой дом находится на Палатинском холме, – ответил Муций.

А в это время раздались рукоплескания, и на сцену поднялись актеры во главе с Квинтом Росцием, одетым в ярко красный паллий⁶, ниспадающий широкими складками, и низкие кожаные сандалии.

Все актеры поклонились, а Квинт, улыбаясь и широко раскинув руки, произнес:

– Приветствую вас, римские граждане! Мы рады представить вашему вниманию одну из наших любимых комедий Тита Макция Плавта – «Псевдол».

– Мы начинаем! И под аплодисменты зрителей Квинт произвел свой любимый жест – круговое движение над головой.

Что же это была за пьеса? Действующими лицами в ней были:

Псевдол, раб (роль исполнял лучший ученик Квинта)

Калидор, юноша

Баллион, сводник – эту роль исполнял сам Квинт Росций

Рабы Баллиона
Симон, старик, отец Калидора
Каллифон, старик, сосед Симона
Гарпаг, слуга воина
Харин, друг Калидора
Мальчик-раб
Повар
Симия, плут
Феникия, любовница Калидора.

Последнюю роль играл мужчина: все женские роли в то время, как правило, исполняли мужчины.

Зрители пили вино, смотрели представление, время от времени смеясь. Цицерон все ждал, когда Квинт Росций начнет демонстрировать свой актерский талант, играя Баллиона, и вот в третьей сцене между Псевдолом, Калидором и Баллионом это довольно ярко проявилось. Вот маленькая выдержка из представления, когда Псевдол ругает Баллиона за его поступки:

«Псевдол. Да уж я тебя отделаю! Разбестыжый!
Баллион. Так.
Псевдол. Мерзавец!
Баллион. Верно.
Псевдол. Вор!
Баллион. Пожалуй, так.
Псевдол. Гробокрад!
Баллион. Ну да.
Псевдол. Колодник!
Баллион. Прекрасно.
Псевдол. Висельник!
Баллион. Все мои черты.
Псевдол. Предатель!
Баллион. Продолжай».

Всякий раз, когда Псевдол театрально выкрикивал ругательства по адресу Баллиона, Квинт Росций использовал разные жесты, изображая то висельника, то вора, то гробокрада. Этими образами, жестами и мимикой он доводил зрителей до исступления. Даже утучненные римские матроны и сенаторы, забыв о приличиях, катались со смеху, сползая со своих кресел.

Наш герой, конечно, был в восторге от игры Росция, смотрел, запоминал и впитывал игру и жесты этого великого комедийного актера. Квинт тоже с удовольствием смеялся над представлением. Да... Талант никого и никогда не оставляет равнодушным.

Чтобы не утомлять Вас, уважаемый читатель, этой довольно длинной постановкой, позволю себе вкратце изложить суть комедии.

Молодой юноша Калидор влюблен в прекрасную Феникию, которая принадлежит своднику Баллиону. Но за нее уже внес залог в 15 мин один македонский воин, желающий взять Феникию к себе в услужение и выкупить ее у Баллиона. Отец Калидора Симон также не хочет, чтобы его сын был вместе с Феникией. Калидор в отчаянии и обращается за помощью к своему умному рабу Псевдолу, который с помощью хитрости умудряется провести Баллиона, забрать Феникию и привезти ее к возлюбленному Калидору. *Любовь победила – занавес.*

Когда представление завершилось, зрители долго не хотели отпускать актеров и все аплодировали и аплодировали. Превосходная игра актеров, счастливый конец комедии – и приподнятое настроение на весь день обеспечено.

Зрители стали расходиться по своим делам. По дороге отец спросил Марка:

– Ну, ты доволен? Тебе понравилось?

– Да, отец, большое спасибо. С твоего позволения, я бы хотел в дальнейшем брать уроки актерского мастерства у Квинта Росция, думаю, это мне поможет достичь успеха в судебной практике, – ответил сын.

– Я не против, только за. Мне нравится твоя целеустремленность. Но сначала ты должен пройти обряд одевания взрослой тоги. Затем мы с тобой сходим в гости к Квинту Муцию Сцеволе, а уж потом ты начнешь брать уроки актерского мастерства у Росция.

– А что это за обряд? – удивленно спросил юноша.

– Об этом ты скоро узнаешь, – улыбаясь, ответил отец.

Так за разговорами они постепенно приблизились к своему дому. Римские игры подходили к концу, а вместе с ними и детско-юношеская жизнь Цицерона. Что ждет его впереди?

Примечания.

¹Тит Макций Плавт (254 до н. э., Сарсина, Умбрия – 184 до н. э., Рим) – выдающийся римский комедиограф, мастер паллиаты. Родовое имя Макций более ни у кого не встречается, это псевдоним, имя одной из масок народной комедии – дурака и обжоры. Прозвище Плавт, буквально: «плоскостопный», указывает на плясуна-мима, выступающего в обуви с плоской подошвой.

²Салюс – Древнеримская богиня здоровья.

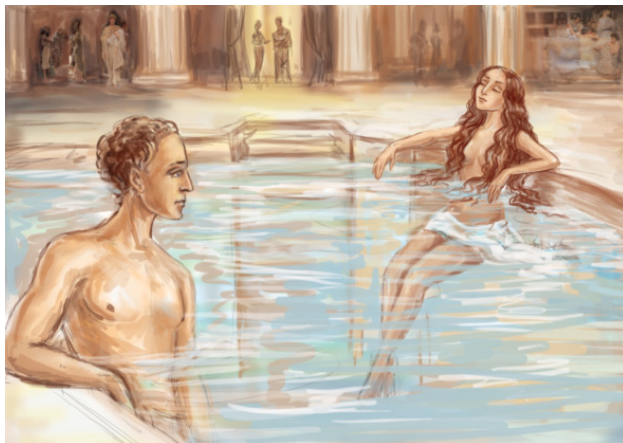
³Гаруспики – жрецы в Древней Этрурии, позже – в Древнем Риме, гадавшие по внутренностям жертвенных животных, особенно часто по печени, и толковавшие явления природы (полет птиц, гром, молнию и др.)^[1]. Лучшими гаруспиками в Риме считались этруски, от которых и был заимствован этот вид гадания. Последний римский гаруспик упоминается под 408 годом н. э., когда во время осады Рима готами во главе с Аларихом он предлагал римлянам свои услуги.

⁴Эзоп Клодий – древнеримский актер-трагик, друг Цицерона. Славился величием осанки, тщательно разработанной жестикуляцией, владел искусством сильного эмоционально-психологического воздействия на зрителей. Успешно играл в трагедиях Еврипида. Последнее выступление Эзопы состоялось в 55 г. до н. э. при освящении театра, построенного Помпеем.

⁵Рудиарий – в древнем Риме так назывались гладиаторы, получившие свободу (награжденные деревянным мечом), но принявшие решение продолжать участвовать в гладиаторских боях. Следует отметить, что такие вольноотпущенники в ряде случаев прекращали выступать на арене и присоединялись к обслуживающему персоналу боев, работая уже как свободные люди в качестве тренеров, укротителей диких зверей и в других аналогичных областях. Некоторые из рудиариев продолжали выходить на арену, и бои с их участием были более популярны, чем сражения рабов-гладиаторов. Это связано с тем, что вольноотпущенники, выжившие на арене, обладали значительным опытом боев и были известны зрителям. Соответственно, получив свободу, такие гладиаторы получали значительно большую оплату, участвуя в боях, по сравнению с теми, кто оставался работать на должностях вспомогательного персонала.

⁶*Паллий – греческий плащ, ниспадающий широкими складками. На ноги комические актеры надевали сокки – низкие легкие башмаки, которые в жизни, как правило, носили только женщины.*

⁷*Паланкин – носилки, кресла или кузов, (обычно) на двух жердях. Средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах крытого кресла или ложа, переносимого носильщиками.*

Глава IV. Почему римляне так любили Термы?

*Творение природы
Совершеннее творений искусства....
Марк Туллий Цицерон.*

За пять дней до октябрьских календ в обеденное время отец Цицерона велел слугам позвать к нему в таблинум Диодота.

Когда Диодот вошел в комнату, хозяин читал труд кого-то из греческих авторов. Он жестом предложил Диодоту пройти и присесть. Через некоторое время он отложил в сторону книгу и, подняв глаза на Диодота, заговорил.

– Диодот, я очень доволен тобой. Ты с детства учил и поддерживал во всем моего сына Марка. Был его другом и наставником. Я даже подарил тебе свободу.

– Я Вам признателен за это, господин. Я очень люблю Вашего старшего сына и восхищен его работоспособностью и целеустремленностью. Я уверен: его ждет великое будущее.

– Спасибо, спасибо, Диодот. Я тоже так думаю. Марку через три месяца исполняется шестнадцать. Не будет ничего страшного, если мы проведем обряд одевания взрослой тоги¹ не в 16 лет, как положено, а сейчас. Как ты думаешь? – спросил Цицерон-старший.

– Я согласен, господин. Не вижу препятствий для этого. К тому же Вы говорили, что он должен пойти учеником к Вашему родственнику Муцию, а тогда он уже должен носить взрослую тогу.

– Все верно. И я даю тебе очень ответственное поручение.

– Я весь внимание.

– Сначала ты поведешь моего сына в термы, а затем в Лупанарий², и вечером, дома, за торжественным ужином мы подарим ему взрослую тогу. Только выбери самый лучший Лупанарий и девочку получше: все-таки, насколько я знаю, это у него будет первый раз.

– Все сделаю в лучшем виде. Не беспокойтесь, господин, – сказал Диодот и, поклонившись, вышел из комнаты.

Во времена описываемых событий и в более позднее время – в период «императорского» Рима – термы (римские бани) были самым популярным и любимым местом времяпрепровождения для всех слоев общества. Почему? Все просто. В термах читали, общались, узнавали новости, заключали сделки, занимались спортом и гимнастикой на прилегающих территориях, знакомились, наслаждались массажем, плавали в бассейнах, «потели» в Лаконике. Одним словом, здесь был отдых для души и тела.

В термах было несколько отделений:

Аподитерий – комната для раздевания, предбанник.

Тепидарий – теплое помещение.

Кальдарий – горячее помещение: температура достигала 60 градусов.

Лаконик – сауна, самое жаркое помещение, где температура достигала 100—110 градусов. По сравнению с этим кальдарий – просто прохладное местечко...

Фригидарий – прохладное помещение, оснащенное бассейном с холодной водой для восстановления сил после долгого пребывания в теплых помещениях. Фригидарий не отапливался и часто являлся самым обширным отделением терм. В зале стояли мраморные кресла, на которых посетителей обливали прохладной водой. Топили в термах только древесиной, и запах дыма был постоянным спутником Рима, ведь в Вечном городе – только представьте себе! Это две тысячи лет тому назад!!! – было около тысячи терм.

Плата за посещение терм была невысока, и попасть в бани мог даже самый бедный житель Рима. Бесплатно мылись дети, рабы и солдаты.

«Дресскода» в термах не было. Каждый выбирал себе одежду по душе. Кто-то предпочитал находиться там, в набедренной повязке, кто-то в тунике, а кто-то и полностью обнаженным. В разные эпохи Рима посещение терм бывало то совместным, то отдельным. Бывали даже «специальные» дни или часы для мужчин и женщин. Во времена Цицерона посещение терм было совместным, отдельными были только аподитерии.

Диодот с Марком не спеша подошли к самым популярным термам Рима: Палатинским, что находились недалеко от Фламиниева цирка. Плата здесь была повыше, чем в других местах, зато публика была «почище» и побогаче. Несмотря на более высокую цену, им пришлось отстоять в очереди минут пятнадцать, чтобы попасть в помещение. Диодот заплатил за себя один квадрант³, за Марка можно было не платить, ведь он еще не надел взрослую тогу.

Затем заплатили квадрант гардеробщику, чтобы присмотрел за оставленной одеждой. Надели специальные деревянные башмаки – сабо, без которых было невозможно ходить по полу в термах. Вы не поверите! Полы в то время были с подогревом! И пошли если можно так выразиться через первый пункт термальных процедур. Это была гимнастическая площадка. Повсюду люди бегали, прыгали, играли. Вот мужчины и женщины играют в игру наподобие современного волейбола. Между двумя столбами натянута веревка, а вверх взмывает мяч, набитый то ли песком, то ли пухом.

Чуть подальше двое мужчин крепкого телосложения, намазанные жиром, катаются по земле, видимо, отрабатывая борцовские приемы. «Надо будет об этом сказать Квинту, ему здесь точно понравится», – подумал про себя Марк.

Уже почти пройдя эту огромную (не менее 200 метров) площадку, они обратили внимание на трех молодых девушек, одетых во что-то похожее на современные женские бикини и упражняющихся со свинцовыми или каменными грузами в форме гантелей. Цицерон даже остановился, открыв рот. Юношеские гормоны никто не отменял. Повороты тел этих соблазнительных нимф (простите, спортсменок) иногда заставляли их груди выскальзывать из складок узких одежд, что вызывало бурный восторг собравшихся вокруг мужчин. А гимнастки, как будто не замечая похотливых взглядов, продолжали заниматься атлетическими упражнениями, накачивая ягодицы и грудь. Диодот улыбнулся, глядя, как Цицерон остановился, увлекшись этим прекрасным зрелищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.